

ДМИТРИЙ ДАШКО

ЦАРИЦИНО

Кремль 2222

Дмитрий Дашко

Кремль 2222. Царицыно

«автор»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дашко Д. Н.

Кремль 2222. Царицыно / Д. Н. Дашко — «автор»,
2016 — (Кремль 2222)

ISBN 978-5-17-099104-4

В результате неудачного научного эксперимента бывший спецназовец Игорь Долганов провел в анабиозе двести лет и оказался в постапокалиптической Москве. Каково это – увидеть привычный мир разрушенным?! Вместо красавицы Москвы одни развалины, кругом чудовищные порождения атомной войны, люди выживают как могут, а в сердце города держат оборону против полчищ мутантов легендарные дружинники Кремля. Другой бы непременно пал духом и сдался, однако Игорь не из такой породы. Свои в беде... Долг солдата – прийти им на выручку. Его умения и навыки как нельзя кстати: врагов слишком много, они хитры и коварны, готовы ударить в спину, и потому приходится постоянно быть начеку. Хорошо, что на свете есть дружба! И плевать, что твой лучший друг способен вызвать оторопь – ведь это киборг по прозвищу Сержант!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-099104-4

© Дашко Д. Н., 2016
© автор, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Дмитрий Дашко

Кремль 2222. Царицыно

© Д. Дашко, 2016

* * *

Большое спасибо Дмитрию Силлову за мир «КРЕМЛЯ 2222», который оказался столь просторным, что в нём нашлось много места и для других авторов!

Мои благодарности первым читателям:

Администратору официальной группы проекта «Кремль 2222» <https://vk.com/officialgroupkreml2222> Алексею Липатову. Рад, что судьба свела нас и позволила виртуальному знакомству перерасти в реальное;

Александру Суворову за помощь в редакции;

Геннадию Шабанову за юридические советы и консультации при написании ряда сцен.

С вашей помощью книга стала гораздо лучше!

Если у кого-то возникнут вопросы, с удовольствием дам ответ на http://vk.com/dashko_books

Ваш Дмитрий Дашко!

Пролог

Красота – страшная сила. Особенно, когда заключена в высокой фигуристой блондинке скандинавского типа. В моё время работать бы ей фотомodelью и зарабатывать огромные деньги, однако безумный гений превратил это чудо природы в идеальное орудие убийства. Усиленный танталом скелет, нечеловеческая мощь и выдвижные штыки в ладонях прилагаются.

Пока она не вмешалась, ещё можно было надеяться на иной исход схватки...

Шайны хотели взять нас живьём, потому засада была без стрел, дротиков и оружейной пальбы из укрытий. Вылетели всадники на фенакодусах, окружили, заулюлюкали и принялись метать арканы.

Классическая тактика разбойничьих кочевых племён. Так орудовали когда-то на Диком поле далёкие предки шайнов. Бросок, затягивание узла на несчастной жертве, резкий рывок и всё: пленник волочится за лошадьё, а уже потом, уставший и покорный, безропотно следует за отрядом кочевников до стойбища или невольничьего рынка.

Только с нами этот номер не прошёл. Не на тех навалились, господа шайны.

Сержанту¹ не составило труда поймать в воздухе петлю аркана, а потом, схватившись за неё, выдернуть всадника из седла с «мясом». Во всяком случае, сапоги того остались в стремёнах.

В ладонь Сержанта скользнуло танталовое лезвие. Оно пронзило шею противнику, на пыльную тропинку брызнула кровь.

По краям тропы рос подорожник. Орошённые листья на секунду свились в трубочку, а потом развернулись, увеличившись в размерах. Стебель вымахал на добрый сантиметр и остетинился колючками. Некогда безобидное лекарственное растение мутировало в плотоядную дрянь. Чему удивляться! Будь проклята Последняя Война, что сотворила с миром такое!

Напарник справился, а я чем хуже? Шайн метнул в меня «лассо». Врёшь, «ковбой»! Ничего тебе не светит! Я уклонился от броска. Времени на принятие решения – кот наплакал, действовать нужно немедленно. Прорываться? Искать укрытие? Валить всех подряд?

Будь что будет! Я выхватил АКМ и принялся поливать округу свинцом. Окрестности наполнились предсмертными воплями людей и всхрапом гибнущих фенакодусов. Удалось ско-сить не менее десятка шайнов, прежде чем вылетела последняя гильза. Результат хороший, но недостаточный. Тогда в ход пошёл приклад легендарного «весла».

Спешенные шайны ринулись ко мне. Первого, приблизившегося на опасное расстояние, оглушил резким ударом по лбу, кочевника не спасли ни меховая шапка, ни шлем из ржавого железа (бедолага «звёздочек» перед глазами нахватался до конца короткой, надеюсь, жизни), второму сломал челюсть. Затем поживился трофеем – кривой саблей. Я раньше такие только в кино видел. АКМ пока без надобности, и я отбросил его в сторону.

Прочертил в воздухе «восьмёрку», уловив уважительный взгляд сразу нескольких шайнов. Ну, а вы что думали? Кроме вас с саблями больше некому обращаться? Это не так, и я готов доказать это, не сходя с места. Вот и подходящий кандидат нарисовался: «прынец» на белоснежном фенакодусе-альбиносе. То ли аристократ, то ли любитель покрасоваться.

Ближе, родной, ближе!

Лёгкий взмах и из пропоротого туловища фенакодуса хлещет кровь, а его хозяин летит на землю, и тут я встречаю его по полной программе.

Сабля наточена что надо, да и баланс мне по душе. Жизнь налаживается. Я обвёл взглядом округу. Ещё желающие будут?

¹ Сержант – кю, герой романа Дмитрия Дашко «Крылатское»

Здоровенный мужик с лицом, спрятанным за шлемом-маской, одобритительно кивнул. Я сразу угадал в нём старшего: шайны подчинялись ему беспрекословно.

– Урус, сдавайся! – явно для проформы предложил он.

– Хрен вам, – пообещал я. – Русские не сдаются!

– Ты храбрый воин. Мы таких уважаем. И твой друг тоже храбрый, – заявил шайн. – Я рад, что мы скрестили оружие с достойным противником. Жаль, если вы оба погибнете. Подумай, урус! Хорошенько подумай!

– Лучше пожалей своих людей, – парировал я.

Маленькое затишье было мне на руку, позволяло перевести дух и немного отдохнуть.

Зато напарник не знал усталости. Вот уж на кого любо-дорого посмотреть! Не теряя времени даром, валил фенакодусов вместе с всадниками, откручивал кочевникам головы, словно курятам. Дважды его зацепили (хищный подорожник не заинтересовала белая кровь), но, видать, не сильно, кио продолжил орудовать в прежнем темпе, даже дыхание не сбилось.

Но вот тогда на сцене появился новый противник – та самая блондинка. Она не полезла в гущу схватки, дождалась, когда волна шайнов, обступивших Сержанта, схлынет. В руках у неё появился пистолет с широким раструбом, напоминающий пиратские из мультиков. Негромкий хлопок, и Сержанта опутало разноцветной сетью. Казалось бы, ерунда для могучего киборга, сейчас поднатужится и порвёт руками тонкую леску! Давай, дружище! Не подведи!

И тут я почувствовал, что с сетью что-то не так! Её прожгли в Поле Смерти, увеличив прочность. Теперь её не то что кио – «Чинук» не разорвёт! Я это дело нутром чувствую.

Вконец запутавшись, Сержант упал. Блондинка в мгновение ока оказалась возле него. Я испугался, что она попытается его прикончить, но нет: женщина извлекла из подсумка шприц-тюбик и одним движением вогнала содержимое в кио. Средство подействовало моментально. Напарник дёрнулся и затих.

– Всё, он наш! – крикнула она старшему. – Сейчас кио безопаснее грудного ребёнка. Можете паковать.

По команде типа в маске шайны ринулись к поверженному киборгу.

Блондинка распрямилась, посмотрела на меня.

– Теперь твоя очередь, парень!

Я переложил саблю из руки в руки, принял удобную стойку.

– Как скажешь, крошка. Иди ко мне, потанцуем!

Эта была последняя фраза, которую я успел произнести перед тем, как темнота открыла передо мной свои объятия: чересчур шустрый шайн умудрился зайти ко мне с тыла и хорошенько приложил по голове, отправляя в беспамятство, а может и в страну вечной охоты.

Глава 1

Задолго до событий пролога

Наша жизнь состоит из цепочки случайностей, и каждая из них может круто изменить привычный ход событий, разбив некогда размеренное существование на «до» и «после».

Однажды и я испытал это на своей шкуре.

Зима пришла внезапно и во всей красе: с резким падением температуры и непрерывным снегопадом. Казалось, только вчера ветер гонял по улицам кипы перепрелых жёлтых и красных листьев, а теперь не пройти – кругом сугробы. Техника пашет с утра и до вечера, но всё равно не справляется.

Я проводил взглядом снегоуборочный комбайн, к которому пристроился грузовой «Камаз» коммунальных служб. Ещё один самосвал дежурил в отдалении.

Холодная маршрутка подъезжала к станции метро, люди готовились к выходу. В этот момент на мой сотовый пришла эсмэска: «Игорь, здравствуйте! У нас карантин, школа закрыта. Передайте, пожалуйста, Вадиму».

Сообщение отправила Марина Анатольевна Матвеева, завуч – женщина во всех отношениях серьёзная, несмотря на молодой возраст. У неё даже отъявленные хулиганы на цыпочках ходят.

Зима нынче «гриппозная», школы закрывались на карантин одна за другой, вот и до той, где мы с Вадимом арендовали спортзал, добралась злополучная инфекция.

Вопрос «что делать» не стоял. У нас с Иришкой по сию пору не закончился «медовый месяц», второй год длится, с того момента как расписались в загсе. Я предлагал ещё и повенчаться в церкви, но как-то не сложилось. Тем не менее, это была настоящая любовь. Первая, если не считать подростковые влюблённости, и последняя. Я нашёл человека, которому был готов посвятить всю жизнь. Любить и в радости и в горести. А если повезёт, то покинуть бренный мир в один день.

Раз на работу ехать не нужно, устрой-ка любимой сюрприз: заскочу по дороге в магазин, куплю вкусенького и сразу домой! Я чуть не застонал, представив себе точёную фигурку жены в домашнем халатике, перехваченном тесёмкой, которую так романтично развязывать перед тем, как приступить к главному.

Но сначала надо позвонить Вадиму, сообщить о карантине. Я набрал номер. Абонент вне зоны действия или выключил телефон. Блин! Вечно напарник забывает вовремя зарядить свой мобильник! Давно за ним водится сей грешок. Ладно, вечером звякну. Он завтра тренирует, так что ничего смертельного.

Я перешёл на другую сторону по подземному переходу и сел в обратную маршрутку. Поскольку был последним, захлопнул выдвижную дверь. Пустых мест полно: не час пик. Прошёл по салону и сел у окна на потёртое кресло. Водитель не стал дожидаться, пока пассажиров набьётся как сельдей в бочке. Маршрутка плавно набрала ход.

Иришка давно намекала, что пора бы купить машину, да я всё отнекивался: денежный жирок, поднакопленный за время службы по контракту в армии, заканчивался, а открытое на пару с Вадимом дело пока не приносило особых дивидендов. Спортивных секций пруд пруди, конкуренция высокая, а наша школа рукопашного боя ещё толком не раскрутилась. Вот подготовим парочку чемпионов, вложимся в рекламу, от клиентов отбоя не будет, тогда позволим себе и личное авто. А пока что общественный транспорт – наше всё. Кстати, весьма удобно, когда город стоит в пробках.

Мысли снова вернулись к жене. С Иришкой мы познакомились совершенно случайно, на улице. Я сразу приметил это воздушное создание на каблуках-шпильках и в несколько лег-

комысленном платице. Хрупкого вида девушка сгибалась под тяжестью сумок. Ручка одной держалась на честном слове и в какой-то момент предательски оторвалась. Я успел, вовремя подхватив сумку.

– Ай-яй-яй, девушка! Почему в одиночестве столь тяжелые вещи таскаете? Где ваш кавалер? – сходу забалагурил я.

– Нет у меня кавалера! – призналась она и с притворным вздохом добавила:

– Перевелись рыцари на Руси!

Я обиженно прижал свободную руку к сердцу:

– Разве?! А как же я?!

И, дополняя слова действием, сразу отобрал все сумки.

– Далеко идём?

– Идём? – удивилась девушка.

– Ну да. Неужели я могу оставить вас наедине с этим негабаритным грузом?! До вечера я совершенно свободен, могу подработать носильщиком на совершенно бескорыстных условиях.

– Прямо-таки бескорыстных? – прищурилась девушка.

– Абсолютно! Ведь не считать же за корысть номерок вашего телефончика, которым вы меня одарите в конце нашего пути! – возмутился я.

Так мы познакомились. Воздушное создание звали Ирой, она была студенткой, училась в институте на что-то связанное с программированием. Я хоть и вполне современный парень, не чуждый гаджетам, однако до сих пор не понял, как называется её профессия.

Мы проболтали всю дорогу. А когда я довёл её до дверей, получил в награду не только номер сотового, но и поцелуй. Пусть в щёку, но даже от него я был готов подпрыгнуть до неба.

Конфетно-букетный период занял два месяца, а потом мы сыграли свадьбу. Вадим стал свидетелем.

С той поры мало что изменилось. Я по-прежнему без ума от Иришки, и это взаимно. Живём небогато, зато дружно.

У нас с Вадимом собственный бизнес на двоих: частная школа рукопашного боя. Моя драгоценная женушка после института стала фрилансером, разрабатывает сайты и всякие приложения для смартфонов. Зарплата копеечная, клиенты скупаются и пользуются любой уловкой, чтобы обмануть. Короче, больших денег занятие жены не приносит. Ничего страшного. Я считаю, что главным кормильцем в семье должен быть мужчина. По-моему, это естественно. Меня так отец учил, а он был стопроцентным мужиком, Царствие ему Небесное!

Главное, что любимая дома, и не знает, что я скоро нагряну.

Вот и моя остановка. Но сперва супермаркет. Автоматические створки дверей магазина предупредительно распахнулись. Я вошёл в торговый зал и принялся прохаживаться мимо битком набитых стеллажей.

Ире не нужно сидеть на диетах и поддерживать фигуру изнуряющими тренировками. Она не склонна к полноте, может позволить себе что угодно и сколько угодно. К примеру, обожает шоколадные тортики. Меня от такого количества калорий просто бы разнесло!

До занятий рукопашным боем я весил сто двадцать килограммов при росте в шесть футов², как пишут англосаксы в моих любимых детективах. И это были отнюдь не мускулы! Зато теперь ни одного лишнего грамма. Спасибо спорту!

Кассирша выбила чек, я забрал покупку и оказался на улице. Падал лёгкий снежок, а сквозь серое небо пробивался робкий солнечный лучик. Господи, лепота-то какая! Может, погуляем вдвоём немного... ну, после того, как вылезем из постели.

Квартира, которую мы снимали, находилась на третьем этаже. Я никогда не пользовался лифтом, просто взлетел по ступенькам ни капли не запыхавшись.

² Шесть футов – приблизительно один метр восемьдесят три сантиметра (один фут – 30,48 сантиметров).

Вставил ключ в скважину, в четыре поворота открыл замок и вошёл в квартиру. Мы снимали студию, в которой прихожая сразу переходила в маленькую комнатку, одновременно служившую и спальней, и гостиной. Никаких межкомнатных дверей. Заходишь и сразу упираешься взглядом в диван-кровать.

Я вошёл и остолбенел. Торт выпал у меня из рук. На диване лежала обнажённая Ира в объятиях с человеком, с которым я съел не один пуд соли, с тем, кого вытаскивал из передёлок, чью спину прикрывал в рейдах по тылам противника.

Моя любимая женщина и мой единственный друг!

Они увидели меня. Ира испуганно ойкнула, попыталась спрятать красивое лицо под одеялом. Побледневший Вадим приподнялся на локтях, хрипло сказал:

– Игорь, только не дури! Давай поговорим! Всё ещё можно исправить...

– Пошёл ты! – сказал я и выскочил из квартиры, громко хлопнув дверью.

Остановившись на лестничной площадке, замер, уперевшись руками в серые холодные стены с облупившейся штукатуркой. Хотелось выть от тоски и боли, разбить кулаки вдребезги... Ира, Вадим...

Меня предавали и прежде, но только не те, кому я верил больше всего на свете!

Обида острым колом вонзилась в сердце. В висках раздавался громкий, сводящий с ума стук. Меня шатало из стороны в сторону.

Медленно, словно инвалид, я пошагал по ступенькам вниз.

Дверь моей квартиры распахнулась, на пороге появилась Ира. На ней был тот самый халатик, который я так любил.

– Игорь, стой! – жалобно выкрикнула она.

В её голосе прорезались нотки страха и истерики.

Я с большим трудом приподнял миготавшую голову, сфокусировал взгляд на её некогда столь обожаемом личике. Даже сейчас она была прекрасна, и от этой красоты стало ещё больнее. Я опустил глаза.

– Уйди! Не хочу тебя видеть!

– Ты куда? – испуганно спросила она.

– Не твоё дело, – ответил я. – Завтра же подам на развод.

Наверное, она продолжала смотреть мне в спину, но я спустился не оборачиваясь.

Оказавшись на улице, пошагал, не разбирая дороги. Я не знал, что делать и куда идти.

Кто-то догнал, положил руку на плечо, останавливая. Я резко обернулся. Это был Вадим.

На его лице отражалась целая гамма чувств: от растерянности до злости.

– Игорь, стой! Не надо! – попросил он.

Кажется, вполне искренне, но меня это заводило ещё сильнее.

– Чего не надо? – с омерзением спросил я, скидывая его ладонь с плеча.

– Спектакль разыгрывать не надо!

– Какой спектакль, блин?! – не выдержав, взорвался я. – Ты очешуел, Вадик?

– Мы ведь друзья!

– Надо же! А ты об этом помнил, когда на мою жену залезал?

Он отвёл взгляд.

– Да, я виноват! Прости меня, я урод!

– Уже в курсе. Обидно, что узнал об этом слишком поздно, – прорычал я.

Нас свела срочная. Войсковая часть неподалёку от Питера, в которой полсостава регулярно моталась по «командировкам». Его призвали на полгода раньше, он уже был «замком» – заместителем командира взвода, я – младшим сержантом, прибывшим из учебки, молодым, зелёным, толком не умеющим ничего. В голове только ветер да строчки из устава.

Дружба сложилась незаметно. Постепенно для всех стало привычным, что где я, там и он, и наоборот. Мы вместе подали рапорт о переводе на контракт, вместе попали в разведвзвод

и регулярно бывали в горячих точках. О последнем ни он, ни я не любили вспоминать. Даже Ире не рассказывали. Она думала, что мы околачивались в заштатном гарнизоне...

Ира, Иришка! Та, кого я больше никогда не смогу называть своей любимой! Я невольно заскрипел зубами.

Вадим сочувствующе протянул:

– Брось, Игорёк! Давай не будем из-за бабы ссориться!

– Заткнись, – попросил я. – Заткнись, пока не врезал!

Он раздражённо махнул рукой:

– Ай, чего уж! Как скажешь!

Бывший друг направился к подъезду и скрылся за дверью. С его уходом на секунду стало легче. Но лишь на секунду.

Срочно требовалось выпустить пар, сделать это любым доступным способом. Ноги сами понесли меня к тренажёрному залу.

В нашем деле без хорошей качалки не обойтись. Минимум четыре раза в неделю я «тягал железо». Абонемент у меня годовой, безлимитный, спортивная сумка с собой. Немного поумираю под штангой, а там, глядишь, смогу рационально мыслить, выгнав из головы фантомные и не фантомные боли.

Впереди припарковался большой чёрный джип с тонированными стёклами. Из него выбрался «шкаф» на две головы выше меня, в длинном неудобном пальто, достигающем почти до ботинок. «Шкаф» услужливо приоткрыл дверь, по-лакейски помогая абсолютно лысому типу в точно таком же длинном пальто. И хоть выглядел лысый лохмёным и ухоженным, от него за версту несло девяностыми с их братками, а на физиономии застыло равнодушное выражение хозяина жизни. Сам я ту эпоху, конечно, не могу помнить: я родился в конце девяностых, но со многими «достойными» представителями той поры жизнь сводила неоднократно. Типаж знакомый. «Бригада», мать их в душу за ногу!

Появился второй «бодигард» – тоже здоровый, с упитанной ряхой и двойным подбородком. Оба телохранителя огляделись по сторонам и заняли место за тушкой шефа.

Лысый ракетой ринулся вперёд, громилы едва за ним поспевали. Я двинулся навстречу. Тротуар был узким, двое с трудом разойдутся, я предусмотрительно принял правее, однако рукав моей куртки всё равно скользнул по плечу лысого. Банальная ситуация, с кем не бывает, я продолжил свой путь, однако мне в спину прогремело хамское:

– Куда прёшь, быдло?

Я резко обернулся, сделал вид, что не поверил ушам:

– Простите, вы что-то сказали?

Лысый смотрел на меня как когда-то барин на крепостных. В его взгляде не было ничего, кроме презрительности.

– А ты не понял, лох? Тебе было сказано: смотри, куда прёшь!

Я подошёл ближе. Кулаки сжались сами собой. При других обстоятельствах я бы поставился по-другому разрулить намечающийся конфликт, но сейчас меня захлестнула нахлынувшая волна самых смешанных чувств: злость, лютая ненависть ко всему и вся. Пропали ледяная холодность и рационализм, так необходимые и в жизни и на татами.

– А ну, повтори! – потребовал я.

– Млин, в первый раз такого тупого вижу! – хохотнул лысый. – Слышь, чел, завали хлебало и вали отсюда пока...

Он не успел договорить куда и зачем мне следует идти. Я кулаком стёр ухмылку с его лица. Бил не сильно, так, чтобы слегка проучить, но лысому и этого хватило. Он медленно сполз к моим ногам, телохранители едва успели взять его под руки.

– Ты что творишь, урод?! – рявкнул один из «шкафов».

Его наверняка учили на каких-то курсах, но либо хреново, либо бодигард чересчур полагался на природные данные. Он оставил шефа и ринулся с твёрдым намерением сделать из меня отбивную. Окажись на моём месте другой, я бы превратился в котлету. Достаточно пропустить один удар из полетевшей в меня серии и всё, пиши пропало красными чернилами.

Я уклонился и врезал ему по почкам. Мужiku не помогло даже толстое пальто из экзотической верблюжьей шерсти. Он сразу растерял боевой пыл, а когда словил кулаком по подбородку – рухнул словно подкошенный.

Увидев, что напарнику совсем туго, в драку бросился второй бодигард. Он явно пересмотрел фильмы с Ван-Дамом, попытался достать меня чем-то вроде маваша. Я поймал ногу в воздухе и сразу пробил по солнечному сплетению. Через секунду это был уже не боец.

Первый телохранитель в отрубe, а второму точно не до меня. Что касается их нанимателя, он тоже «отдыхает». Порядок, иного исхода и быть не должно. В тот миг я вдруг ощутил лёгкий прилив гордости за себя: уделал сразу троих, причём не слабых мужиков. Но потом голову забили иные мысли. Умные, но слегка запоздавшие.

Я огляделся – несколько человек стали свидетелями скоротечной битвы. Никто не вмешался, конечно, но кое-кто уже снимал меня на камеру смартфона. Кажется, пора уносить ноги. Как бы эта драка не вышла мне боком.

Повернувшись, сделал шаг. И тут сзади оглушительно гроыхнуло, что-то чиркнуло меня по виску. Перед глазами появилась красная пелена.

– Сука! – сказал я и упал лицом вперёд.

Глава 2

Первое, что я увидел, когда пришёл в себя – личико симпатичной медсестры. Оно чем-то напомнило мне Ирину, и я непроизвольно застонал. Не столько от физической, сколько от моральной боли.

– Михаил Иванович, – обрадованно произнесла девушка. – Больной очнулся.

Надо мной склонился пожилой мужчина в зелёной медицинской куртке. От него пахло лекарствами и табаком.

– Замечательно, – констатировал он. – Пока всё по плану.

– Доктор, – хрипло произнёс я.

– Слушаю вас.

– Где я, и что со мной?

– Вы в больнице в хирургическом отделении. Я – заведующий и по совместительству ваш лечащий врач. А сейчас закройте глаза и поспите. Вы ещё слишком слабы, вам необходимо как можно больше отдыхать.

Значит, ещё не на том свете, заключил я и снова вырубился.

Помню, как просыпался ещё, как медсестра, только уже другая, промокала сухие губы влажной салфеткой. Краем глаза успел заметить сидевшего неподалёку полицейского в белом халате. Он читал книжку, время от времени поглядывая в мою сторону, что отнюдь не радовало. Видимо, моя персона всерьёз заинтересовала соответствующие органы.

Прошло несколько дней, а потом в одиночной палате, куда меня определили, появился новый гость: худощавый мужчина в очках с толстой оправой, делающей его похожей на дореволюционного интеллигента-писателя. До полноты облика не хватало лишь чеховской бородки на широком открытом лице. Кожаная папка подмышкой, костюм-тройка актуального нынче синего колера.

По его сигналу охранник вышел из комнаты.

– Ну что, Долганов, давайте знакомиться. Шалашов Евгений Васильевич – следователь по вашему делу. Любить и жаловать не прошу, – представился он и присел на стул, рядом с моей койкой.

– Слушаю вас, Евгений Васильевич, – произнёс я.

– Лечащий врач сказал, что вы ещё довольно слабы, поэтому я ограничен во времени. У нас только пятнадцать минут, – он посмотрел на часы. – Начну с главного: вы являетесь фигурантом уголовного дела по статье 111 Уголовного кодекса Российской Федерации «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью», часть 4 «Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, повлекшие по неосторожности смерть потерпевшего».

– Простите, что вы сказали? – ошарашенно спросил я. – Какая ещё смерть?

– А вы не знали? – делано удивился следователь. – Тогда позвольте пояснить. Вы обвиняетесь в убийстве Алтаева Бориса Глебовича, 1985-го года рождения. Закрытая черепно-мозговая травма, приведшая к смерти. Ваших рук дело.

Он вытащил из папки фотографию, протянул мне.

– Узнаёте?

На снимке был изображён лысый, с которым нас свела кривая дорожка. Судя по всему, фотография была сделана в морге.

– Не может быть, – обессиленно прошептал я.

– Может. Силу надо рассчитывать, когда человека бьёте. Вы же мастер рукопашного боя.

– Я и рассчитывал, – признался я. – Вполсилы ударил.

– Некоторым и этого достаточно. От вашего удара его челюсть сместилась в мозг.

– Простите, а это точно из-за меня? Вдруг ошибка произошла?

– Господи, Игорь Николаевич! Ерунду не говорите! Судмедэкспертиза точно установила причину и виновника смерти. Есть куча свидетелей и более того – видео с камер наблюдения. Качество замечательное: там прекрасно видно, как вы толкаете плечом гражданина Алтаева, тот вас останавливает, делает внушение, а вы ни с того ни с сего бьёте его по лицу. Этот удар и стал смертельным. О драке с телохранителями Алтаева я и вовсе умолчу. Тут ещё и хулиганка корячится, но сто одиннадцатая статья часть четыре всё это поглотит.

– Я не собирался никого убивать.

– Охотно верю, но Алтаева это не воскресит.

– А я как здесь оказался?

– Благодарите одного из телохранителей Алтаева. Он слишком хреново стреляет. Пуля зацепила вас по касательной. Неприятно, конечно, но излечимо. И да, если вас интересует эта сторона вопроса, то с пистолетом всё в порядке, он чистый, был выдан на вполне легальных основаниях. Ещё вопросы имеются?

Я задумался.

– У Алтаева жена, дети остались?

– И жена, и дети от нескольких браков.

– Твою мать! – выругался я.

Мне уже приходилось убивать. Алтаев далеко не первый. Но тогда были совсем иные обстоятельства. Или я, или меня. К тому же за спиной стояла государственная машина.

Каким бы дерьмовым человеком ни был Алтаев, это не умаляло того, что я натворил!

– Вам плохо? – участливо спросил Шалашов. – Хотите воды?

Я отрицательно замотал головой.

– Спасибо. Со мной всё в порядке.

– Как скажете, – сказал следователь. – Вы можете говорить?

– Могу. Сколько мне светит?

– Статья серьёзная, максимум пятнадцать лет.

– С ума сойти! – выдохнул я.

– Всё относительно. Возможно, у вас будет хороший адвокат, он скостит срок лет до семи. Отсидите годика четыре, а там, за хорошее поведение, глядишь, и УДО³ получите. Тем более, суд учтёт детали вашей биографии, включая правительственные награды. Вы ведь воевали, – утвердительно произнёс следователь.

– Довелось, – кивнул я, не желая вдаваться в подробности.

– Я читал ваше дело. Послужной список впечатляющий. Разведвзвод, почти все горячие точки... Впечатляет. Это тоже будет учтено вам в плюс. Так что не отчаивайтесь. Не всё так плохо, как может показаться.

– Ну да, на семь лет за решётку угодить, – хмыкнул я. – Отличная перспектива.

– По сравнению с гражданином Алтаевым, которого на днях кремировали, ваша перспектива куда радужнее, – заметил Шалашов.

– Согласен. Извините, не подумал.

– Но есть и иные обстоятельства, – вдруг подобрался следователь. – Куда более печальные для вас. Знаете, кем был убитый?

– Понятия не имею. Наверное, бизнесмен, – предположил я, вспомнив холёный внешний вид и дорогую машину покойника.

– Бизнесмен, – согласился следователь. – Владелец заводов, газет, пароходов. Создатель благотворительного фонда для детей-сирот, меценат и прочая-прочая-прочая... В общем, почти святой, и нимб ему сейчас ой как к лицу. А теперь я поделюсь с вами кое-какой информацией, и, если у вас есть голова на плечах (а она вроде имеется), то поймёте, что к чему.

³ УДО – условно-досрочное освобождение.

Он наклонился и произнёс полушёпотом:

– Коллегам из наркополицей Алтаев известен как криминальный авторитет по прозвищу Багажник. Когда-то крышевал ларьки и проституток, потом серьёзно поднялся и стал курировать один из участков наркотрафика.

Я хмыкнул.

– При этом, – доверительно добавил Шалашов, – все заведённые против него дела самым мистическим образом рассыпались, и сей гражданин считается абсолютно чистым перед лицом закона. Всё, что я вам сейчас рассказал, не более чем подозрения, не подтверждённые доказательствами.

Он закинул ногу за ногу и внимательно посмотрел на меня:

– Догадываетесь, к чему я веду?

– Приблизительно. Хотите сказать, что люди Алтаева собираются отомстить за смерть босса?

Следователь кивнул.

– Да. За вашу голову уже объявлена награда. Думаю, попытаются убить уже в СИЗО. Только не надо храбриться. Каким бы героем и мастером рукопашного боя вы ни были, всё равно невозможно не спать неделями и постоянно оглядываться. Рано или поздно до вас доберутся. А уж как это будет обстряпано: под самоубийство или несчастный случай – не знаю. У блатного люда хорошая фантазия.

– Спасибо, – мрачно протянул я. – Второе «приятное» известие за сегодня. Может мне тогда проще здесь самоудавиться? И никаких проблем – ни вам, ни людям Алтаева.

– А чего вы хотели от меня услышать, Долганов? Я и так делаю, что могу, и то исключительно из чувства личной симпатии. Будь на вашем месте кто-то другой, я бы плюнул и позволил событиям идти своим чередом. Надеюсь, это понятно?

Он снова бросил взгляд на часы, но мне показалось, что за этим движением стоит что-то иное. Следователь явно не договаривал, и я решил вывести его на откровенность.

– Евгений Васильевич, вы ведь сюда не только ради этого разговора со мной пришли... Ведь есть что-то ещё, – предположил я.

– В точку, – признал он. – В общем, собираюсь предложить вам новую жизнь.

– Простите? – удивлённо вскинул подбородок я.

– Вы не ослышались. Я говорю о жизни с чистого листа: новые паспорт и биография, материальная стипендия, ну и другие полезные вещи. При этом Игорь Долганов исчезнет для всех раз и навсегда.

– Стойте! – тихо произнёс я. – Такими вещами не разбрасываются просто так. За всё нужно платить. Надеюсь, вы не предлагаете мне замочить президента США или что-то другое в том же духе?

– А вот тут не попали, Игорь Николаевич. Для подобных операций нужны спецы иного калибра, куда крупнее вашего, уж извините... Я же предлагаю вам поработать во благо российской науки. Вам сделают предложение, от которого вы не сможете отказаться. Рискованное и даже очень, но... это тот случай, когда овчинка выделки стоит. Что скажете? – Он вперил меня пристальный взгляд, усиленный линзой очков.

– Так сразу? – удивился я. – Могу я сначала узнать хоть какие-то детали?

– Разумеется. С ними вас познакомит другой человек. Специалист той самой отрасли, которая так нуждается в вашем добровольном согласии. Он будет завтра. И зовут его Сергеев Иван Петрович, ну да он сам представится. Отведённые мне пятнадцать минут, увы, подошли к концу, – произнёс он, вставая. – Верю, что примите правильное решение, Игорь Николаевич.

– Мне нечего терять, – горько усмехнулся я.

– Вот и отлично. Ах да, – следовательно сделал вид, что только что вспомнил. – Мне несколько раз звонила ваша супруга, Ирина. Просила разрешения навестить вас. Что скажете?

– Не надо, – попросил я.

– Воля ваша. До свидания, Игорь Николаевич! И да: настоятельно прошу никому не рассказывать об этой части нашей беседы. По-моему, это в ваших же интересах.

– Само собой, Евгений Васильевич.

– Рад, что мы поняли с вами друг друга.

Он вышел из палаты, а я обессилено откинулся на подушку.

Глава 3

Следователь немного ошибся со сроками: Сергеев появился только через неделю, когда меня фактически готовили к выписке. Я уже настроился на поездку в автозаке и грядущие стычки в СИЗО с жаждущими меня убить. Если за мою голову объявлена круглая сумма, желающих будет пруд пруди. В очередь встанут.

Следователь прав, в одиночку держать оборону невозможно. Рано или поздно кто-то доберётся, но сдаваться я не собирался. При необходимости готов дорого продать жизнь. К этому меня приучила армейская служба.

Я гнал прочь дурные мысли, старался не думать об измене жены. В конце концов, не одного меня украсили рогами. Да, неприятно, но пора выбросить это из памяти, смириться и жить по-новому, мобилизовав и духовные и физические силы.

Легче сказать, чем сделать. Пришлось пустить в ход некоторые весьма полезные методики, так что к моменту нашей встречи с Сергеевым я уже избавился от того раздрая, что мучал меня столько времени.

Разговор проходил в моей палате и снова без свидетелей. Сергеев оказался располневшим мужчиной лет сорока пяти, с густыми тёмными волосами чуть тронутыми сединой. Его живот выпирал вперёд, свисая над поясным ремнём, верхняя пуговица полосатой рубахи была расстёгнута, открывая взору обширную растительность.

Пиджак модного нынче серого цвета небрежно лежал на локте левой руки, правую он протянул с улыбкой человека, начитавшегося книг Дейла Карнеги: добродушной и неискренней.

– Вижу, вы идёте на поправку, – заметил он.

– Спасибо медицине.

– Давайте знакомиться. Иван Петрович Сергеев, работаю над проектом «Полёт на Марс». Слышали о таком?

– Доводилось. Только пока не понимаю, какая связь между мной и Марсом?

– Судите сами. Цель проекта не просто достигнуть Марса, но и основать на нём колонию. Амбициозно, но вполне достижимо. Постепенно, маленькими шажками... Не стану забивать вам голову ненужными техническими подробностями, остановлюсь только на одном: по самым смелым расчётам полёт пилотируемого корабля на Марс должен занять минимум полгода, что, согласитесь, немалый срок и большое испытание для психики любого нормального человека. Идеальным выходом было бы погружение части экипажа в анабиоз. Знаете что это?

– Читал.

– Прекрасно. Значит, это упрощает введение вас в курс дела. Грубо говоря, космонавты на какое-то время заснут, а потом, в нужный момент проснутся. Может, через полгода, год или два... Как пойдёт дело.

– Разве таких, как я, берут в космонавты? – пошутил я с абсолютно серьёзным видом.

Сергеев усмехнулся.

– А разве я говорил о том, что вы станете космонавтом? Всё куда прозаичнее. После испытаний на мышах, кроликах и морских свинках нужно переходить к следующему этапу. Нужны люди, исключительно добровольцы. На них будет отрабатываться экспериментальная технология погружения в анабиоз и выведения из него.

– Значит, в подопытные кролики готовите? – подобрался я.

Сергеев развёл руками:

– Ну, а вы как думали? Будем спасать вас от тюрьмы и прочих неприятностей (я, кстати, в курсе ваших проблем) исключительно из гуманных соображений и любви к искусству? Добро пожаловать в реальный мир, Игорь Николаевич.

Я хмыкнул.

– Давно не верю в абстрактный гуманизм. И всё же, если я соглашусь, что меня ждёт, какие шансы?

Иван Петрович улыбнулся.

– Теперь ваш заход правильный. Ну, что я могу сказать: гарантии вам только в банке дадут, да и то не в каждом.

– И всё же... Я понимаю, что вы не обязаны передо мной отчитываться.

– Любопытство – дело святое. Помогу его удовлетворить. Мы уже проводили эксперименты с людьми. Первые – на неделю – были полностью успешными, без потерь. Когда перешли к уровню один месяц, смертность составила приблизительно тридцать процентов. Мы учли недостатки и скорректировали технологию. Вероятность не проснуться при анабиозе сроком на один месяц составляет сейчас смехотворную величину в две тысячных процента. Но теперь перед нами стоит новый рубеж – мы замахнулись на целый год. Время не ждёт. Его у нас и без того мало.

– Другими словами, я войду в число тех «счастливичков», которым предстоит проваляться в анабиозе столько, сколько ещё не доводилось никому?

– Да, – кивнул Сергеев.

– Ну, и какова вероятность смерти для моего случая? Есть же предварительные расчёты...

Лицо учёного помрачнело.

– Это неточная цифра...

– Тем не менее.

– Хорошо. Не стану от вас скрывать: вероятность закрыть глаза и никогда больше не открыться укладывается в рамки от двадцати пяти до пятидесяти процентов.

– Вот почему вы ищите подопытных кроликов среди таких как я, – задумчиво протянул я. – С настоящими добровольцами видать совсем туго. Не каждый пойдёт на такой риск.

– Верно. Не каждый, – вынужденно согласился Сергеев. – Большинству не улыбается подобная перспектива. Видите, я с вами честен.

– Благодарю за искренность, – сказал я.

Он внимательно уставился на меня:

– Ну, что: решитесь или нет?

Я провёл по вспотевшему лбу рукой.

– Можно подумать, что у меня большой выбор. Гарантированно сдохнуть в тюрьме или с вероятностью в одну вторую не проснуться в анабиозе... Элементарная математика приходит на помощь. Договорились, я стану частью вашего проекта. Тем более, – я снова вспомнил о жене, – возможно, это поможет мне забыть некоторые вещи.

На полной физиономии Сергеева расплылась улыбка чеширского кота.

– Я почему-то не сомневался, что вы примете правильное решение, Игорь Николаевич.

– Предчувствия вас не обманули, – подтвердил я. – Как будем выбираться отсюда: партизанскими тропами, с применением насилия, – я кивнул в сторону дверей больничной палаты, за которыми по-прежнему дежурил полицейский, – или есть официальный способ?

– Минуточку, – он распахнул свой кожаный портфель и выудил из него пухлую кипу бумаг. – Сначала уладим все необходимые формальности, а потом я заберу вас отсюда.

– Сегодня?

– А что вас смущает? Я уже навёл справки у врача, вы кандидат на выписку. Что недолечили здесь, вылечим у нас в институте. Главное в нужных местах (они галочкой указаны) контракта распишитесь. Остальное я беру на себя.

Я полистал бумаги без особого интереса. Нужно быть профессиональным юристом, чтобы вычленил подводные камни. Увы, я такими знаниями не обладал. Да и не в моей ситуа-

ции кочевряжиться. Крепостное право у нас отменено ещё в 1861 году, так что рано или поздно контракт закончится. Кстати, вот и срок – три года. Терпимо.

Расписавшись на каждом листе, вернул договор Сергееву. Он бегло пробежал его глазами, убедился, что я ничего не пропустил, и положил документы в портфель.

– Прекрасно. Начало нашему новому сотрудничеству положено. Главное, ни о чём не жалейте, Игорь Николаевич.

– Не имею такой привычки, – сказал я.

– Тогда займёмся первоочередными вопросами. Простите великодушно, всего один звонок. – Не дожидаясь ответа, он набрал номер и поднёс к уху мобильный телефон. – Всё в норме. Объект готов к сотрудничеству. Приступайте к эвакуации.

Я хмыкнул. «Объект» – это вне всяких сомнений ваш покорный слуга.

Далее события закрутились с бешеной скоростью. За мной прибыли несколько человек в штатском, но выправка выдавала в них людей военных. Мою одежду принесли прямо в палату. Пока переодевался, сразу двое сверлили меня напряжённым взглядом, не упуская из виду ни на секунду. Видимо, на подписи в договоре толком не полагались.

Мы спустились на лифте в вестибюль, прошли к чёрному выходу, за которым нас ждал микроавтобус с тонированными стёклами. Даже в нём сопровождавшие не позволили себе расслабиться, только крутили головами во все стороны.

Сергеев благосклонно кивнул, снова приветствуя меня. Машина сразу же тронулась.

– Куда вы меня везёте? – спросил я.

– На новое рабочее место, – с улыбкой произнёс учёный. – Да вы не волнуйтесь! Всё будет в порядке.

МКАД стоял в пробке, но мы понеслись по крайней левой полосе с мигалкой и включённым сигналом, водители дисциплинированно уступали дорогу.

Когда микроавтобус съехал с кольцевой, стало ясно, что он держит путь в сторону Восточного Бирюлёво. Потянулись старые, ещё советские девяти и пятиэтажки обычного спального района. Ничего интересного, особенно для того, кто тут бывал и не раз.

Наконец, наш транспорт остановился.

Дверь распахнулась, за ней я увидел абсолютно непримечательное здание из серого кирпича, покрытое металлической черепицей ржавого цвета. Оно больше походило на пакгауз, чем на научно-исследовательский институт.

– Вот мы и на месте, – сказал Сергеев. – Прошу на выход.

Оказавшись на улице, я блаженно потянулся и посмотрел на ярко светившее солнышко. Весна была в самом разгаре. Господи, как время летит! Давно ли была зима...

– У вас ещё будет время надышаться, – заверил учёный. – Мы же вас не сразу в анабиоз отправим. Недельку-другую отдохнёте, пройдёте все медицинские исследования. А пока следуйте за мной, покажу, где будете жить в это время.

Охрана за нами не пошла, осталась сидеть в автобусе. Что-то мне подсказало, что, кроме меня, будут и другие пассажиры, которых понадобится доставить сюда.

Внутри «пакгауз» оказался ещё безыкусней, чем снаружи. У входа с «вертушкой» вахтёр – пожилой дядька, без особого энтузиазма отреагировавший на наше появление.

Сергеев поднёс к электронному турникету пропуск и сделал приглашающий знак рукой.

– Путь свободен. Можете идти.

Мы оказались в широком коридоре с голыми, выкрашенными в оранжевый цвет, стенами.

– Небогато живёте, – сказал я, оглядев эту неброскую «красоту».

– Самое интересное впереди, – пообещал Сергеев.

Он провёл меня к грузовому лифту, способному вместить трактор «Кировец».

– А лифт зачем? – удивился я. – Этаж-то всего один.

– Это он один на поверхности. Наше заведение лишнего внимания не любит. Всё, что надо, находится под землёй.

Створки закрылись, чтобы распахнуться примерно через полминуты.

– Однако глубоко, – присвистнул я.

– Интересы безопасности, – сказал Сергеев. – Но не расстраивайтесь, для вас будут созданы вполне комфортные условия. Прежде никто не жаловался.

Для проживания мне выделили комнату, похожую на гостиничный номер отеля средней руки: небольшой коридорчик с платяными шкафами, по левую руку – санузел с унитазом и душевой кабиной.

В жилой комнате большая кровать, застеленная бордового цвета покрывалом, плоский телевизор, прикреплённый к стене, холодильник, журнальный столик с двумя мягкими стульями. Имелись даже занавески. Раздвинув их, я увидел фальшь-окно. В принципе, логично. Ничего другого в этом подземном отеле ожидать нельзя.

На столике кнопочный стационарный телефон, почти раритет по нашим временам высоких технологий.

Уловив мой взгляд, Сергеев пояснил:

– Связь только внутренняя, в город не выйти. Вы голодны?

Прислушавшись к внутренним ощущениям, я кивнул.

– Можете заказать обед по телефону. Меню на журнальном столике. Готовят тут, кстати, вполне прилично. И да, не стесняйтесь, заказывайте всё, что найдёте. Всё оплачено. А я, с вашего позволения, оставлю вас. Дела.

Он удалился, оставив меня размышлять на тему моего будущего. В виду целого ряда соображений, оно представлялось слишком туманным. Но уж лучше здесь, чем чалиться на металлической шконке, поглядывая на белый свет через решётку и ожидая в любой момент затычки под ребро.

Глава 4

Прозрачный стеклянный колпак с тихим жужжанием опустился надо мной, отрезая от внешнего мира, и наводя на нехорошие ассоциации. Что там у Пушкина в «Сказке о мёртвой царевне и семи богатырях»? «Ветер, ветер! Ты могуч, ты гоняешь стаи туч...». Не то! «Не видать ничьих следов вокруг того пустого места; в том гробу твоя невеста» – вот, это уже ближе к текущей ситуации! Аж мороз по коже.

В сказке всё хеппи-эндом закончилось. Но мы-то не в сказке живём.

Всё, хватит ныть! Терпи, казак!

В бедро что-то кольнуло – это инъектор впрыснул дозу релаксанта. Ещё немного и я усну. Эта лекарственная дрянь действует быстро, практически моментально. Бац и всё! Словно обухом по башке.

Свинцовые веки сомкнулись. Я заснул...

И сразу же открыл глаза, чуть не вскрикнув от миллионов невидимых иголок, пронзивших всё тело. Холодно, просто до безумия холодно. Почему никто не говорил, что это настолько мучительно? Предупреждали, что пробуждение – не самое приятное, но не настолько же!

Я выплюнул изо рта трубку, по которой меня пичкали поддерживающей жизнеспособность химией. Предполагалось, что сейчас колпак откинется, и на меня уставится группа учёных с пытливыми взорами. Колпак и впрямь поднялся, только при этом его трясло как припадочного. Я даже принялся переживать, что сейчас всё заклинит. Механизм в разнос пошёл что ли? Непорядок, ребята! За оборудованием надо следить. Тем более за медицинским.

Сразу включился свет, но какой-то слабый и тусклый. Будто не лампочки горели, а допотопная лучина.

А что самое паршивое – никого, ни единого лица в пределах видимости. Что за хрень? Мы так не договаривались.

Самостоятельно выбраться из капсулы – дело непростое. Тело отказывалось слушаться, я прилагал чудовищные усилия, чтобы хоть как-то взять под контроль разом одеревеневшие руки и ноги. В итоге мне это удалось. Я перевесился над краем капсулы и, потеряв равновесие, сверзился вниз аккуратно на холодный кафельный пол, едва не разбившись.

Перевернувшись на бок, застонал. Ну где же вы, люди? Должна ведь быть хоть одна живая душа поблизости! Ну не могло моё пробуждение остаться незамеченным, на мне ведь датчиков висело больше чем блох на Барбоске. Они уже всему свету раструбили, что вот он, Игорь Долганов, очухался и жаждет тесного общения, тёплого одеяла и горячего кофе с круасаном.

При мысли о еде меня затошнило. Из рта потекла непонятная жидкость жёлто-зелёного цвета. Наверное, та гадость, которой я через трубку наглotalся.

Опустошив желудок, вытер рукой ставшую липкой физиономию, попытался встать на ноги. Меня качало как тополя на ветру. Такое ощущение, будто разом покинули все силы, а вестибулярный аппарат передал пламенный привет и отключился.

Дело мастера боится, особенно упёртого. Я всё же приподнялся во весь не слишком богатырский рост.

Странно, очень странно. Лаборатория выглядела непривычно, уж больно велик контраст по сравнению с тем, каким мне она запомнилась в тот момент, когда меня укладывали в «люльку». Неужели за год произошло столько разительных изменений? И ведь не игра тусклого света, зуб даю. Словно лабораторию забросили, причём давным-давно.

А ещё воздух. Он тоже странный и непривычный, спёртый. Ещё и кондиционеры накрылись? Сергеев рассказывал о том, что здесь полностью автономная замкнутая система. Хвастался, что построено на века и практически неуязвимо извне.

Но, блин, где же народ? Мне что, ходить по всем коридорам как герой Семёна Фарады в «Чародеях» и кричать: «Здесь прошли люди»?

Тут до меня дошло, что я такой умный и почему-то голый. То есть то, что голый, понятно: меня нагишом в анабиозную капсулу укладывали. Но продолжать хождение в костюме Адама не есть комильфо. Вдруг, распахнётся дверь и войдёт женщина. Какая? Да любая!

Я не ханжа, однако даже гусарам знакомо чувство неловкости. И холодно здесь. Мало того, что после анабиоза трясушка бьёт, так и в самом помещении отнюдь не пляжные условия.

Я принялся искать одежду, памятуя, что тут были вакуумные шкафчики, в которых держали рабочую одежду для персонала. Открывались шкафчики простым нажатием кнопки (слава богу, никаких кодов, шифров или сканирования сетчатки). Содержимое первого меня разочаровало – роба (если быть точнее – комбинезон), которая предназначалась для женщины или для совсем уж мелкого мужчины), подходящий размерчик нашёлся только в четвёртом.

Я поставил мировой рекорд по одеванию. Ещё бы при таком холоде! Обувь, к счастью, тоже подошла – добротные ботинки с высокой шнуровкой и толстой подошвой, неудержимо смахивающие на армейские берцы.

Обувшись и одевшись, я снова ощутил себя человеком, пусть и не с большой буквы. Ну, коль гора не идёт к Магомету (то бишь, дежурный коллектив учёных ко мне), отправлюсь на поиски. Пора разобраться, что тут такое происходит, гром их раздери!

Но сначала маленький тайм-аут. Требовалось время, чтобы прийти в себя. Я ожидал гораздо худшего самочувствия, год в анабиозе не должен пройти даром, вон космонавтам после невесомости приходится долго восстанавливаться, но в моём случае процесс «оживления» шёл ураганным темпом. Будто кто-то вливал в меня огромные порции энергии. Захотелось отжаться или повисеть на турнике. Наверное, организм соскучился по физической нагрузке, решил для себя я и успокоился. Не тот случай, когда нужно бить тревогу.

Прислушался к желудку: вроде тошнило недавно, и сами мысли о еде вызывали рвотные позывы, однако всё изменилось: теперь я входил в состояние голодного духа, готов сожрать быка за один присест. Только кто ж мне его даст? Провизии в лабораторном помещении не наблюдалось. Отсюда возвращаемся к элементарному выводу: надо искать хомосапиенсов, то есть себе подобных. Где они, там пища.

Проблема нарисовалась практически сразу: автоматика дверей категорически отказывалась срабатывать, хотя я в отчаянии истыкал все кнопки. Попытка связаться хоть с кем-то при помощи коммуникатора (он был вмонтирован в панель у злополучных дверей) тоже оказалась бесплодной. В отчаянии я стал орать и колотить по стенам. Ноль внимания, фунт презрения. В мозгу забрезжило нехорошее предчувствие, что меня забыли.

– Замуровали, демоны, – в сердцах сказал я и сплюнул.

Чистота пола и эстетичность волновали меня меньше всего.

Клаустрофобию за собой не наблюдал, но сидение в тесном замкнутом пространстве, да ещё и при столь скудном освещении, нравилось мне всё меньше и меньше.

– Ладно, пеняйте на себя, – громко сказал я, рассчитывая, что мои рассуждения вслух записываются, и если что, всегда можно сослаться на то, что предупреждал. – Если автоматика накрылась известным местом, прибегну к иному способу. Можете назвать его варварским. Кто не спрятался – я не виноват.

Я поднял табурет-вертушку, прикинул его на вес. Тяжёленький. Как раз для моих целей.

Приняв картинную позу (ноги широко расставлены, на лице суровое выражение решительности, в руках табурет), громко и отчётливо произнёс:

– Считаю до десяти. Если двери не откроются, буду вынужден применить грубую силу. Итак, десять!

Медленно досчитав до нуля, убедился, что угроза не подействовала, дверь по-прежнему осталась закрытой.

– Хорошо, я сделал все, что мог, и теперь с чистой совестью умываю руки!

Табурет с треском врезался в металлопластик двери. Образовалась внушительная вмятина. Однако замки (насколько я понял – электромагнитные) не сдавались. Понадобилось ещё с десятков ударов, прежде чем конструкция не выдержала.

– То-то же, – удовлетворённо произнёс я, оказавшись в коридоре. – Только не говорите, что не предупреждал. Не надо было доводить до крайностей.

Путь, по которому меня вели, я помнил весьма фрагментарно. Движимый наитием, развернулся и пошёл в правую сторону по коридору. Моё внимание привлекла раскрытая дверь одного из ближайших боксов. Она не была повреждена.

За порогом бокса находилась анабиозная капсула, близнец моей. Влекомый любопытством, я подошёл к ней и бросил быстрый взгляд на стеклянный колпак. Увиденное заставило меня отвернуться: в капсуле находилась мумия, вроде той, что есть в Эрмитаже. Меня на неё посмотреть отец в детстве водил. Помню, как стоял и отворачивался.

– Что за... – выругался я.

Результат неудачного эксперимента? То, что могло произойти со мной?

Перекрестившись и пробормотав короткую молитву, я выбрался из бокса. Надо сказать, в коридоре их хватало: несколько десятков. Некоторые оказались открыты, но большинство было заперто. Поскольку никто не окрикивал и не одёргивал, я принялся методично в них вламываться. Увы, меня ожидало разочарование: в каждой анабиозной капсуле лежало по мертвецу разной степени высушенности или разложения. Лаборатория всё больше смахивала на склеп.

Это порядком давило на нервы. Даже у меня, насмотревшегося во время служебных «командировок», постепенно нарастало чувство отчаяния. Труп, трупы, десятки трупов и ни одной живой души... А если дополнить это тревожной тишиной и всё более тускневшим светом, ситуация казалась всё более жуткой.

Может, весь эксперимент пошёл не так и потому лабораторию забросили, не убедившись, что есть один уцелевший? Среди учёных полно безалаберного народа, так что версия произошедшего не выглядела столь уж безумной. Тем более факты – упрямая вещь. Пустые помещения, неработающие механизмы, куча покойников и я. Картина безрадостная.

Тут я услышал странный дребезжащий звук. Он прозвучал так неожиданно, что я едва не подпрыгнул на месте. Блин! Предупреждать надо!

Звук повторился. Он исходил из другого конца коридора. Я уже был там, но, наткнувшись на запертую дверь (на сей раз более надежную и крепкую, чем в боксах), повернул обратно. Сейчас этот звук показался мне слаще музыки. Я кинулся на его источник и увидел, что дверь, преграждавшая выход из коридора, медленно распахивается под дребезжание автоматического привода.

Люди? Они пришли за мной? Черета радостных предположений пронеслась в уме, однако былой энтузиазм быстро сник. В открытый проём вкатилось нечто вроде большого пылесоса на колёсиках. Мне уже приходилось сталкиваться с такими в первые дни пребывания в центре – робот, запрограммированный на выполнение ряда простейших команд. Они широко использовались для несложных или грязных технологических операций, в которых можно было обойтись без человека.

Робот передвигался с большим трудом. Внутри него звенело и булькало, время от времени клапаны стравливали зеленоватый пар, колёса поворачивались со скрипом и почему-то с треском. Исходящий из зрачков-детекторов красный луч безучастно скользнул по мне, и робот продолжил движения, игнорируя меня будто пустое место.

Я окликнул его:

– Эй!

Проклятый механизм не среагировал. Может, не имел датчиков звука, а может, в его программе ничего не было заложено насчёт подобной встречи. Покатил себе, будто ни в чём не бывало.

Не знаю, куда лежал его маршрут, но, поблагодарив судьбу за удачу (я бы вряд ли сумел распахнуть эту дверь самостоятельно), я смело шагнул за порог, оказавшись на гулкой бетонной площадке. Поблизости должны находиться лифты, в памяти отложилось смутное воспоминание. На одном я спустился сюда.

Если лифт работает, поднимусь на поверхность, к цивилизации, а уж там что-нибудь придумаем. Надеюсь, договор о легализации в новом статусе в силе. Как-то не улыбается загреметь за решётку, полностью выполнив все свои обязательства перед государством. Не заслужил я такого кидка, честное слово! И если уж разбираться до конца, так это мне ещё и приплатить должны за то, что бросили в лаборатории, забитой мертвецами! Тут счёт на миллионы можно выкатить, причём в вечнозелёной валюте. Я человек не особо меркантильный, но всему есть разумные пределы, за исключением человеческого головотяпства. Интересно будет увидеть физиономию Сергеева, когда он будет передо мной оправдываться. Хотя... ещё неизвестно, чем оно закончится.

Новое разочарование: лифты обесточены. Я ещё более уверился в том, что с экспериментом что-то пошло не так. Другого разумного объяснения происходящему не имелось.

Снова покричал в пустоту. Ответом стало лишь моё эхо. Понятно, надрывать глотку не имеет смысла. Пора свыкнуться с мыслью, что я тут кукую в гордом одиночестве. От первого извечного русского вопроса «кто виноват?» нужно переходить к более практическому «что делать?».

Из рассказов Сергеева я помнил, что подняться на более высокие уровни можно исключительно на лифте, здесь не имелось ничего похожего на лестницы и лестничные пролёты. Каким образом включаются подъёмные механизмы – неизвестно. Может, с центрального пульта, а может, с рубильника, который от меня в двух метрах на самом видном месте. А что из этого следует? Да элементарное: самый простой и комфортабельный способ подъёма мне не светит. Нужно искать другой.

Какой? А разве есть выбор? Только шахта лифта. По ней, проявив толику ловкости и сноровки можно вскарабкаться на поверхность. Трудно? Конечно. Никто не говорил, что будет легко.

В принципе, азы альпинизма нам ещё в армейской учебке показывали. Ничего особенного, минимальный минимум, так ведь нам и не эвересты покорять.

Но есть и другой момент: в шахту ещё нужно проникнуть. Я взялся за створки дверей и попробовал разжать. Очень быстро выяснилось, что я переоценил свои возможности. Тут надо быть Гераклом.

Однако я не впал в грех тяжкого уныния. Если створки не раздвигаются, можно попробовать их сломать, а ещё лучше – пробить дыру, через которую проберусь в шахту.

Я долбал их всем, что подвернулось под руку, но створки были как из брони. Дело запахло керосином. Замаячила перспектива провести под землёй остаток жизни, не скажу, что самая заманчивая.

Пора менять тактику. Продолбить бетонную стенку? Вряд ли она столь же прочная...

Меня хватило на час. За это время в стене появилось лишь несколько мелких вмятин, свидетельствующих о надвигающейся катастрофе. Вот попал, так попал!

И снова до меня донёсся знакомый скрежет. Не иначе, робот возвращался с неизвестного задания. Вот бы его припахать!

Мысль показалась мне светлой. Я ринулся за роботом, предварительно позаботившись, чтобы двери, ведущие в коридор с анабиозными боксами, не закрылись. Заклинить механизм – проще простого.

Робот пилил в мою сторону. Отлично. Я встал у него на пути, широко расставив ноги. Точно не объедешь.

Механический болван доехал до меня и остановился, будто уткнувшись в невидимую преграду. Его лампочки-индикаторы недоумённо замигали.

Должен же у него быть речевой интерфейс! Возможно, он срабатывает при кодовом слове? «О'кей, Гугл!» или что-то в этом роде...

Была не была! Я рявкнул во весь голос:

– Смирн-а-а!

Несчастливая железяка затряслась как припадочная. О, заработало!

– Доложить по форме! – продолжил изгаляться я над кибернетическим созданием.

Робот возмущённо пискнул. Его клапаны стравили целое облако зелёного пара, и пахло оно отнюдь не фиалками.

– Ну, ты и вонючка, – покачал головой я.

Удивительно, но это сработало.

– Я – Вонючка. Готов к приёму голосовой команды, – сообщил робот.

Разработчики программы были теми ещё шутниками.

– Следуй за мной, – приказал я.

Робот послушно покатил, держась от меня в полуметре.

Мы подошли к шахте лифта.

– Знаешь, как его включить?

– Знаю.

Долгое молчание. Блин! Надо правильно формулировать вопрос.

– Включи лифт.

– Ответ отрицательный.

– Почему?

– Запасы электроэнергии находятся на критически низком уровне – менее одного процента. Угроза полного обесточивания через два часа семнадцать минут.

Я задумчиво почесал голову. Теперь понятно, почему свет тусклый.

– Принято. Сообщи, кроме меня в здании есть другие люди?

– Ответ отрицательный.

– А куда они делись?

– Вопрос не понят.

– Куда делся технический персонал лаборатории?

– Требуется уточнение: имеется в виду люди или кибернетические устройства?

– Люди, – тоскливо пояснил я.

– В моей памяти отсутствует данная информация.

– Понятно, – протянул я. – Вижу, с тобой каши не сваришь.

К счастью, робот не стал уточнять эту идиому.

Я указал на лифт:

– Мне необходимо проникнуть в шахту. Знаешь способы?

– Это опасно, – предупредил робот.

Видимо, в него вшили инструкцию технике безопасности.

– Я в курсе. Но гораздо опаснее оставаться здесь, если через два часа всё отключится.

Он не стал спорить, оставшись стоять безучастным истуканом. Ну да, его мои проблемы не интересовали.

Я зашёл с другой стороны, снова указал на створки дверей.

– Раздвинь их.

Робот ухватился манипуляторами за дверки и принялся вскрывать лифт как раковину моллюска. Я с интересом наблюдал за его действиями. Силушки в нём было заложено немало, довольно скоро преграда поддалась. Образовался проём, в который я мог ввинтиться без особого труда.

– Хватит.

Мой новый слуга откатился в сторону.

Я сунулся в проём, оглядел тёмный колодец. Взгляд зацепился за правую стенку, по ней тянулись вверх металлические скобы.

Надеюсь, они идут до поверхности. Подниматься по ним куда удобнее, чем подтягиваться по лифтовому канату. Он наверняка весь в смазке, и подъём гарантировано превратится в подвиг.

– Прощай, Вонючка! – сказал я и дотянулся до ближайшей скобы. Она была холодной и ребристой. Я подёргал несколько раз – кажется, держится прочно и способна выдержать мой вес.

– Риск – дело благородное, – вслух произнёс я.

Наверное, поддерживал сам себя, ведь роботу мои сентенции до лампочки.

Медленно стал взбираться, молясь, чтобы не сорваться и не загреметь в шахту. Кто знает, насколько мягким будет приземление? Если лифт внизу, приземлюсь на крышу, а если вверху... то меня ждёт весьма жёсткая посадка. Что обычно находится в самом низу? Пружины, рессоры и прочие амортизаторы? Никогда прежде этим не интересовался и не горю желанием познать опытным путём.

Скобы, смахивающие на гигантские канцелярские скрепки, не подводили. Я был всё ближе к поверхности и, наконец, добрался до площадки подъёмного механизма. Она располагалась в небольшой комнатухе. К сожалению, здесь не имелось окон, но я прикинул, что по логике вещей нахожусь на чердаке «пакгауза».

Лифтовую не запирали, и я покинул её через дверь, которая открывалась с душераздирающим скрипом. Далее меня ждал спуск по бетонным ступенькам и очередной подозрительно длинный коридор. Он привел меня в незнакомое помещение, смахивающее на отсек подводной лодки. Во всяком случае, следующий выход был вертикальным, его прикрывал люк с характерным затвором в виде колеса. Если не ошибаюсь, он называется кремальерным.

Хорошо, что за время скитания по коридору глаза постепенно привыкли к темноте, и я мог ориентироваться не только на осязание. Повернув колесо, раздвинул люк. В лицо сразу ударил резкий порыв свежего воздуха. Он пьянил мозги и кружил голову.

Чувствуя себя водопроводчиком, выбрался наверх. Хорошо-то как! Естественный свет небесного светила, ласкающее дуновение ветерка. И кстати, сама атмосфера непривычная. Определённо, тут как-то иначе дышится. Лёгкие заработали в полную мощность. Да уж, с кондиционированным воздухом не сравнишь. Но и на вечную загазованность Москвы не похоже. Больше напоминает лесной, без всяких техногенных примесей. Неужели за год решили проблему с вредными выбросами? Молодцы, нечего сказать!

Осталось определиться с направлением. Буду искать господина Сергеева, чего бы мне это ни стоило.

Глава 5

Похоже, я оказался в промзоне, причём заброшенной и довольно давно. Иначе объяснить царившее вокруг запустение было невозможно. Непонятные здания, облепленные доверху густой зелёной растительностью, растрескавшийся асфальт, который фактически смешался с землёй и мало чем от неё отличался.

Через трещины пробивались ростки абсолютно незнакомых цветов. Местами они шевелились и явно не от ветра.

Видимо, у меня совсем плохо с ботаникой, потому что в голове даже смутных ассоциаций при виде этого «гербария» не возникло. Не знал, что у нас в мегаполисе такое произрастает. Чудеса и только!

– Ромашки спрятались, поникли лютики, – тихо пропел я, хотя всё было с точностью до наоборот: растения просто пёрли из всех щелей и не собирались предаваться унылому увяданию.

Обстановка напрягала меня всё сильнее. С каждым шагом становилось ясно, что я нахожусь где угодно, но только не в привычной Москве. Ну откуда взялся этому буйству растительности, причём порой весьма экзотической? Мы что, в джунглях живём? Определённо в иных географических широтах со своей специфичной флорой (это мы ещё до фауны не добрались).

А почему увиденные вдалеке высотки либо покрыты с первого до последнего этажа зелёным ковром (И это не аллегория! Да, травка-муравка, но блин, откуда она взялась такая вся из себя загадочная?), либо являют собой ожившую иллюстрацию из документальной книги про сталинградскую битву: не дома, а груда развалин.

И главное – никаких звуков цивилизации: шума транспорта, человеческих голосов, рёва пролетающих самолётов... Ничего!

Может, у меня стресс, вызванный длительным пребыванием в анабиозе? Или просто крыша поехала? Ещё вариант: сплю и вижу сон («И снился Геку странный сон как будто ожил весь вагон...⁴»)? Ущипну себя для проверки! Вдруг проснусь?

Стоп! Надо взять себя в руки. Даже если всё, что я вижу – плод больного воображения, всё равно необходимо вести себя как обычно. То есть принимать всё как объективную реальность.

Раньше территория исследовательского центра была опоясана бетонной стеной: не такой внушительной, как некоторые рублёвские, но нахрапом точно не возьмёшь. Сейчас же от неё остались одни воспоминания, будто утюжили техникой. Что же здесь было? Техногенная катастрофа вроде Чернобыля (я даже поёжился, представляя, как хватаю дозу радиации)? Пожалуй, нет – вон, в украинской Припяти дома нетронутыми остались, а тут руины. Нашествие зомби? Бр, надо было поменьше фильмов Ромеро смотреть. Лезет в башку всякая чушь.

Что в сухом остатке? Война. Третья Мировая... Тогда тут должны были всю отбомбиться ядрёными бомбами, остались бы кратера вроде марсианских, мириады тонн пепла... Нет, не хочу об этом думать.

Короче: произошла неведомая хрень, в результате которой часть Москвы оказалась разрушена. И что теперь? Правильно, искать людей. Я выжил, значит, и другие уцелели. Найду их, узнаю, что произошло, дальнейшие действия спланирую исходя из полученной информации.

Осталось выбрать направление. Я решил двигаться к МКАД. При любой непонятной херне лучше уносить ноги подальше от большого скопления людей. Уверен, те, кто выжил, тоже руководствовались этим принципом.

⁴ А. Гайдар. «Чук и Гек»

Дорога из растрескавшегося асфальта повела меня через относительно неплохо сохранившийся микрорайон. И снова поражающее обилие зелени! Вот как она могла за год вымахать?!

Или... Додумать я не успел. Прямоком из окон того, что когда-то было продовольственным магазином, выскочило странное существо, смахивающее на обезьяну. Видимо, наряду с пробелами в ботанике, у меня ещё обширное белое пятно в том, что касается зоологии – я никогда прежде не видел особей этого вида. Размерами с гориллу, но те не прямоходящие, да и выглядят иначе. А эта тварь больше смахивала на пещерного человека, то бишь хомо, но ещё не совсем сапиенс. Весь покрытый шерстью с ног до головы, морда скорее обезьянья, чем человеческая, и выражение на ней вполне осмысленное, несколько озадаченное: дескать, с какой луны свалился, товарищ?

Ещё меня поразило то, что в лапах (язык не поворачивался назвать эти грабли руками) у таинственного создания была... нет, не палка, а самое, что ни на есть натуральное копьё. Понятно, что дикий примитивизм и самопал, но ёлки-палки, это ж оружие, а слегка обалдевшее от нашей встречи создание (я, кстати, тоже чуть в осадок не выпал) направило его в мою сторону, с твёрдым намерением проделать в моей шкуре нештатную дырку. Я еле отскочил, ещё не понимая, как следует себя вести.

– Ты чего?!

– Хомо, – вдруг прорычала обезьяна, налегая на «эр». Звук при этом получался прямо-таки рокочущий.

– Сам такой, – обиделся я, с легкостью признавая в незнакомце самца.

Да и как тут обознаться, если мохнатое создание принципиально не носило одежды, и всё мужское хозяйство было, как говорится, налицо. Вот по нему я и двинул, когда чересчур агрессивный встречный вздумал повторить манёвр с копьём.

Тут лохматому мужику изрядно поплохело. Я не стал добивать подраненную особь (может, это вообще биологическая редкость – говорящая обезьяна неизвестного вида, которая занесена в Красную Книгу. Ты её грохнешь, а тебе штраф!). Отобрал копьё, убедился, что оно для меня тяжеловатое, но на первых порах сойдёт, и укоризненно покачал головой:

– Что ж ты так плохо себя ведёшь, дружище? Тебя мама не воспитывала?

– Ырг убьёт тебя, – заявил страдалец.

Я предположил, что это он говорит о себе в третьем лице и, прокрутив копьём «мельницу» (так, проверка мелкой и крупной моторики), посоветовал:

– Даже не пытайся. Боком выйдет.

Похлопав себя по груди левой ладонью, добавил убедительно:

– Дядя большой. Дядя обидеть может.

Пока что меня забавляла эта ситуация, но из неё требовалось выходить.

– Дядя пошёл. Ырг на месте, – приказал я и погрозил ему копьём.

– Копьё моё! – едва не заплакал незнакомец. – Отдай!

Я присмотрелся к нему. Теперь в мордахе лохматого просматривалось что-то обиженно-детское. Никак это ребёнок? И если да, то какого размера его папаша? Этот «пацан» почти на голову выше меня!

– Не отдам. Ырг наказан.

– Ырг убьёт тебя!

Блин, мы, кажется, пошли по кругу.

Тут мне стало ясно, отчего взгляд его вдруг стал таким нагло-решительным. На ближний перекрёсток вывалила толпа сородичей мохнатого, и это точно были не дети. Высоченные, квадратные обезьяны с крайне зверскими рожами. И намерения на этих рожах читались яснее ясного. Кажется или нет, но кое-кто даже плотоядно облизнулся.

Я – мужик рискованный, но тут у меня просто не было шансов, поэтому, не дожидаясь столь массовой атаки, развернулся в противоположную сторону и дал стрелкача. Иногда это лучший способ спасти свою шкуру.

Толпа с гиканьем ринулась за мной.

Пробежав с полкилометра, я к крайней досаде убедился, что они плотно висят у меня на хвосте. Ещё один «кэмэ» ситуацию не изменил. Что же за день такой сегодня?! Мне попались все до одного легкоатлеты-марафонцы. Сдаётся, у них даже дыхалка не сбилась.

Я пошёл на военную хитрость. Во время первого поворота, когда выпал из поля зрения погони, не стал улепётывать вдоль короткой улицы, заканчивавшейся новым перекрёстком, а сиганул в то, что когда-то было подъездом пятиэтажки. Быстро взобрался на самую верхнюю лестничную площадку, потом оказался в квартире, встал к стене у окна и принялся украдкой рассматривать возбуждённую процессию.

Её представители не заставили долго ждать. Вынырнув из-за угла, остановились, лихо-рабочно крутя лохматыми башками. Как назло, среди них оказался некто с организаторскими способностями. Он разбил отряд на несколько групп. Большинство умчалось до перекрёстка, где разделилось ещё на три команды (направо, налево и прямо), а оставшаяся часть принялась внимательнейшим образом рассматривать уличные дома. И сдаётся, что при этом мои преследователи ещё и принюхивались, словно собаки. Неужели и впрямь могут напасть на след? Тогда я сам себя загнал в ловушку.

Принимать бой не хотелось. Все до единого «обезьяны» были вооружены: кто копьями, навряд ли того, что стало моим трофеем, кто дубинами, но не простыми, а утыканными кусками арматуры, что твой ёжик. Вот лучников или того хуже – обладателей огнестрела, я среди них не приметил. Так и у меня, увы, при себе даже завалящего АКМ нет. Только копье.

Тяжело в деревне без нагана, вздохнул я.

Вождь, я едва не добавил «краснокожих» снова распылил свои силы. Его «орлы» побежали по разным подъездам, но сам он (Ой, дурак! Ну, куда тебя понесло!) вознамерился исследовать тот, в котором прятался я.

Сам напросился. Стычка была короткой, и окончилась тем, что главарь обезьяньего войска тишком (с моей помощью) опустился на пятую точку и замер, невидяща глядя перед собой мёртвым взором.

Я оставил копье в нём, взял себе на память что-то среднее между мечом и куском ржавого железа. Сходу определить сложно: то ли изначально из дерьмового металла сковали, то ли совсем запустили «саблюку». Но даже в таком состоянии, эта железяка была предпочтительнее копья. Я больше привык к оружию рубящему, чем колющему. У каждого свои капризы, и я не безгрешен, в чём готов покаяться хоть сейчас.

Исчезновение главаря заметили. Ко мне ещё дважды наведывались в «гости» и каждый раз я обзаводился полезным трофеем. Мелочь, но приятно. Теперь в моей коллекции была сплюснутая от удара армейская фляжка (Я отхлебнул. Обычная вода, но в моей ситуации лучше и не надо), ножичек в самый раз для засолки огурчиков, то есть штука безумно полезная в любой ситуации. Ещё с одного мертвеца снял хороший кожаный ремень (так и не понял, на кой ляд он обкрутил им свои голые чресла? Понтовался?).

Безумно хотелось есть, но трофейный провиант не вызвал ничего, кроме тошноты. Эти парни питались дрянью отвратительной на вид и на вкус. Такое можно слопать лишь умирая от голода. Я пока что повременил с приёмом пищи. Гарантировано потом засяду в кусты и неизвестно, когда из них выберусь.

Однако куковать в подъезде до приёма более массовой делегации глупо. Так что я снова решил пойти ва-банк. Тут либо пан, либо пропал. Пан – лучше. Намного лучше!

Выскочил на улицу и дал стрелкача, петляя не хуже зайца.

Через пару кварталов обстановка прояснилась. За мной не гнались. Вот и чудненько. Можно топтать дальше, правда, с оглядкой, реагируя на каждый шорох. Мало ли какие сюрпризы ждут меня впереди.

Сегодняшний лимит на приключения ещё не исчерпал себя. Через полчаса я стал свидетелем ещё одной необычной сцены: семёрка закутанных в самое невообразимое тряпье типов, смахивающих одновременно на бомжей и древнеегипетских мумий, наседали на хрупкого вида девушку. Та отбивалась, демонстрируя хорошие навыки рукопашного боя, но было ясно, что дела её плохи.

Атакующие действовали слажено, отнюдь не так, как обычно показывают в боевиках. В кино злодеи нападают на главного героя в порядке очереди, терпеливо дожидаясь, пока тот уделает противника и перейдёт к следующему.

Девчонку брали на измор, нападали сразу с нескольких сторон, умело уходили от ударов и ждали, когда она выбьется из сил. И пусть вся семёрка имела при себе оружие, включая арбалеты, но в ход его не пускала. Вывод из этого следовал простой – она нужна целой и невредимой. Зачем – другой вопрос. Например, позабавиться. Вряд ли эти отбросы могли рассчитывать на внимание со стороны нормальной женщины.

Во мне ещё горел задор от недавней стычки с мохначами, да и не привык я оставлять женщин в беде, так что никакой проблемы выбора передо мной не стояло. Если добавить, что девушка была, если не красивой (а это понятие относительное), так симпатичной, это сходу усилило мою решимость и прибавило сил.

Уроды (кстати, действительно уроды – из какой выгребной ямы их только выкопали?) не подозревали о моём существовании, они были слишком заняты увлекательным занятием, так что моё появление стало большим сюрпризом.

Я не встал взывать к совести, увещевать и уговаривать. Педагогика слов тут бесполезна, нужны совершенно иные аргументы, такие как прямой в голову или боковой по рёбрам. Можно в другой последовательности.

Пользуясь элементом неожиданности, вырубил парочку ближайших, и внимание всей компашки резко переключилось на меня. Они перераспределили цели, четверо по-прежнему занимались девушкой, а пятый бросился на меня. Это был мечник, и я моментально понял, что столкнулся с умелым противником. Да, за ним не чувствовалось школы фехтования, рубился он не по академическим правилам, зато в каждом выпаде чувствовался опыт реальных боёв не на жизнь, а на смерть.

Мечом он орудовал лихо, махая им, словно пёрышком. Я с трудом парировал его полные ярости выпады. Эту схватку надо заканчивать как можно быстрее, я такой темп долго не выдержу. Да и трофейная сабля уступала отлично сбалансированному мечу. Я положил на неё глаз сразу, как только увидел в бою. Пора ей менять владельца.

Мы схлестнулись снова, на сей раз на очень близкой дистанции. Противник распространял вокруг себя столь отвратительные миазмы, что я едва не задохнулся. Мужик вонял хуже помойки.

Наше оружие скрестилось. Мы оказались лицом к лицу. Морда у мечника была укутана на манер бедуина, сквозь грязные, пропитанные гноем и кровью тряпки, виден только злобный прищур нечеловеческих глаз. Раньше меня бы это смутило, но после столкновения с целым отрядом воинственных обезьян, я был готов к любому. Даже к встрече с инопланетным монстром из голливудского ужастика.

«Бедуин» злобно прошипел. Это было ругательство, но прозвучало оно на абсолютно неведомом языке.

– Сам такой, – сказал я и вспомнил о другом трофее – ножике.

Ты-то мне и нужен! В тело мечника он вошел мягко, словно в масло. Ничего удивительного, когда знаешь анатомию, а она у «бедуина» оказалась вполне гуманоидной. Урод сдох

моментально. Подбирать его меч было некогда: девушке пришлось совсем уж несладко – она по-прежнему билась с превосходящим врагом, и уже порядком сдавала.

Я рубанул по стоявшему спиной врагу, не рассчитывая снести тому голову. Сабля была слишком тупа для этого. Однако удара хватило, чтобы он схватился за шею, из которой фонтаном хлестала кровь: я перерубил важную артерию. Стало ясно: этот уже не жилец.

С оставшейся троицей разобраться было не в пример легче. Я зарубил одного, а девушка весьма эффектно отправила к праотцам парочку, действуя очень жестоко, но наверняка. Не знаю, кто был её учитель, я бы не отказался взять у него несколько уроков. Век живи, век учись.

Девушка утёрла пот со лба, смахнула длинную прядь чёрных волос, застилавших её лицо, и повернулась ко мне, оказавшись смуглой красоткой восточного типа: миниатюрной, слегка скуластой, с красивыми миндалевидными глазами.

Она по-мужски протянула руку:

– Спасибо, незнакомец! Без твоей помощи я бы ни за что не отбилась от дампов.

В тот момент я пропустил мимо ушей незнакомое слово. Дампы, подумаешь. Ничего удивительного!

Я пожал её крепкую ладошку и улыбнулся с таким видом, будто занимаюсь спасением красавиц каждый день сразу после завтрака.

– Не за что. А то, что мы незнакомы, легко исправить. Меня Игорем зовут, – представился я.

– Буду знать, – задумчиво протянула она.

– Осталось только выяснить твоё имя, – заметил я.

– Данара.

– Красивое, – сказал я.

– На ваш язык оно переводится как Талисман, – пояснила девушка и вдруг посмотрела на меня так, что душа, замёрзшая со дня измены жены, вдруг стала мягкой и податливой словно воск.

Я позволил себе расслабиться. Это стало для меня горьким уроком. Красивые девушки способны на многое. Например, на то, чтобы вырубить слегка поплывшего и много возмнившего о себе волкодава.

Сознание вновь отключилось. Падая в забытье, я успел с горечью подумать, что в последнее время мне катастрофически не везёт в общении с прекрасным полом. Вот и помогай после этого людям!

Глава 6

Голова раскалывалась, кто-то сверлил в ней дырки и сжимал мозги клещами. Я застонал.

– Уже очухался? Что, болит небось, парень? – участливо сказал чей-то голос.

Я дёрнулся, попытался встать.

– Да ты лежи, отдыхай, – снова произнёс невидимый некто.

– Где я?

– Да у меня в повозке, – добродушно рассмеялся он.

Я потихоньку разлепил заплывшие глаза и увидел говорившего. Это был мужчина лет пятидесяти, правивший кем-то, что я сначала принял за лошадь.

Возница сидел вполоборота, гривастый, давно нечёсанные волосы торчали пучком во все стороны, под стать была и борода: окладистая, как у Льва Толстого на фотках из учебника литературы и при этом спутанная и неряшливая. Одет в толстый серый кафтан (на ум сразу пришло слово домотканый: ни одна фабрика не станет шить такое), подпоясанный кушаком. Не удивлюсь, если на нём подобающего покроя штаны, а на ногах лапти. Может, отшельник, раскольник-старовер или российский вариант американских амишей⁵? Сект всяких хватает, даже в наших краях. С другой стороны – а что ему делать в Москве? Народ смешить?

– Простите, как вас зовут? – снова заговорил я.

– Ишь, предупредительный какой! На «вы», понимаешь, обращается, – засмеялся возница. – Будто я боярин али сам воевода! Давай, милчеловек, по-простому, на «ты»... А кличут меня Степанычем. Так и зови. Меня тут каждая крысособака знает.

– Кто-кто? – не въехал я.

Причём тут крыса или собака?

– Тебя что, молодой да ранний, совсем по башке приложили? – удивился Степаныч. – Память отшибли, да? Крысособак не знаешь...

– Может быть, – неопределённо протянул я, понимая, что в моих обстоятельствах не стоит раньше времени раскрываться. Надо выудить из словоохотливого мужичка как можно больше информации, чтобы прийти к выводам.

– Кто ж тебя приложил так?

– Девка одна, – признаваться было обидно, но я пересилил мужскую гордость. – Данарой зовут. Знаешь такую, Степаныч?

– Девочек много, – хмыкнул тот.

– На азиатку смахивает. Казашка или калмычка, а может и бурятка... Худенькая, с виду ветер дунь – так снесёт, но дерётся как Брюс Ли.

– Не ведаю такую. И Брюса твоего тоже не знаю. Оно, конечно, девки наши сами за себя постоять могут, но они у нас кровь с молоком. Ежли наша, царицынская, по башке даст, так та сразу в штаны провалится. И имена наши другие имеют. Ты случаем не ослышался: может не Данара то была, а Даринка? У моего соседа так дочку кличут. На выданье она, кстати. Огонь, а не девка! – причмокнул Степаныч. – Уж коли взгреет, так взгреет! Мало не покажется.

– Ладно, Степаныч, проехали.

Голова постепенно прояснилась. Кем бы ни была загадочная Данара, но врезала она мне профессионально. Только чтобы в отруб ушёл, при этом не покалечила. Репа поболела, на этом всё неприятное закончилось. Разве что неприятный осадочек остался, да мне не привыкать.

Теперь я смог присесть и осмотреться.

⁵ Амиши – представители религиозного направления, не желающие принимать многие современные технологии. И хотя это движение возникло в Европе, в настоящее время подавляющее большинство амишей проживает в США и Канаде.

Телега Степаныча ничем не отличалась от тех, что я преимущественно видел в кинолентах и музеях. В деревнях такого раритета не найдёшь. Для мягкости насыпана соломка, поверх настелена рогожа, неприятная на ощупь.

– Из кожи рукокрылов пошита, – похвастался Степаныч, будто я мог это оценить.

Итак, к загадочным крысособакам добавились не менее загадочные рукокрылы.

Пейзаж, по которому катила телега, не очень напоминал пасторальный, пусть вдалеке и виднелись обработанные пашни. Местность всё больше напоминала лунные кратеры: безжизненные и чужие. Смущало большое количество развалин. Тут явно хорошенько отбомбились в прошлом. М-да, много чудного произошло за тот год, что я провёл во сне. Или... Страшная догадка кольнула мозг.

– Степаныч, – кликнул я.

– Ась? – лениво спросил тот.

– Извини за глупый вопрос: а год какой на дворе?

От услышанного меня кинуло в жар. Если Степаныч не врал (а зачем ему это делать?), выходило, что я оказался в далёком будущем, провалявшись в анабиозе целых два столетия.

Вот уж попал, так попал! Тут в мозг вонзилась занозой ещё одна мысль: если я провалялся в этом искусственном сне двести лет, вдруг это время даст о себе знать, и меня вмиг превратит в дряхлого старикана, а то и вовсе в горстку пыли?

Хотя, стоп! Не надо нервничать. Пока что никаких признаков старения не наблюдается. Более того, ощущаю себя просто великолепно: полон энергии и сил. Ещё и голод раза в два усилился. Будто не в будущее попал, а наоборот, в себя восемнадцатилетнего пацана вернулся. Когда на срочку призвали, такой же был: на месте не сидится и постоянно хочется есть. А если уж совсем точно: не есть, а жрать!

– Я тебя прям на дороге подобрал, – ни с того ни с сего заговорил Степаныч. – Вижу, аккуратно поперёк неё ты валяешься. Сначала думал, что это мне засаду устроили, хотел быстро объехать, а потом остановился, пожалел. Чай не животное, а человек. Хотя, и животину тоже жалко. Особенно такого, как мой Забияка, – он ласково уставился на круп зверюги, что волокла телегу, и тут мне стало ясно: то, что я принял за лошадь, на самом деле было совершенно иным животным. Смесь коня с крокодилом!

Не верилось, что эта зверюга может вполне флегматично тащить за собой телегу. Скорее у неё другое призвание – быть боевым конём. А что – когда Забияка обернул в нашу сторону голову и приоткрыл пасть, я сразу понял, что с ним игры плохи. Зубы как у пирании, если тяпнет ими, к примеру, за руку, то считай сразу, что руки у тебя нет. Или ноги. В общем, что под укус подвернётся.

Разглядывание диковинного зверя, помогло снизить шок от неприятного известия. Итак, я в далёком будущем. Судя по руинам, привычному миру наступил конец. Была война, общество в своём развитии отбросило назад. Ну, и дальше, как полагается: всякого рода мутанты: животные (крысособаки, рукокрылы и этот самый Забияка) и, скорее всего, люди (воинственные «обезьяны», типы в лохмотьях).

Не знаю, какая нынче политическая обстановка, может, вообще, кроме Москвы больше ничего не осталось, однако люди – существа социальные. Обязательно должны быть некие административные центры и отдельные индивидуумы, обладающие расширенными полномочиями.

Степаныч обмолвился про бояр и воеводу. Я сначала принял это за расхожее выражение, а сейчас сообразил: есть тут и бояре, и воевода, а то, глядишь, и целый князь найдётся. Может и не один. И каждый норовит на себя перетянуть одеяло. Это тоже как раз нормально. Вся история тому доказательством. Хотя... нашёлся когда-то на Руси Иван Грозный, который это феодальное безобразие под корень подвёл. Вдруг и здесь есть его аналог?

А мне предстоит каким-то образом вжиться в этот мир, приняв его правила игры. Но прежде надо продолжить аккуратный расспрос Степаныча. Он почему-то не выказывает даже подобия подозрений и спокойно отвечает на вопросы. Видимо верит «легенде», что у меня после удара в башке помутилось. Прекрасно. Следующую порцию информации выужу под тем же соусом.

– А куда мы едем, Степаныч?

– В Царицыно, – с прежней ленцой ответил тот. – Или тебе не по пути?

– Да я и сам не знаю, – пожал плечами я.

– Чего так?! – изумился он.

– Да ты только не удивляйся!

– И не собираюсь. Я много чего на свете повидал. Чтоб меня удивить, тебе надо из кожи вылезть. И то не факт, что варезку раскрою.

– У меня амнезия.

– Чего? – открыл рот Степаныч.

– А говорил, что не удивишься, – не преминул подколоть я.

– Сказать-то чего хотел? Какая ещё мнезия у тебя, – не стал обижаться Степаныч.

– Это такая штука... В общем, провалы в памяти. Что-то помню, что-то нет. Паршивей всего, что не помню, кто я и откуда.

– Что, и имя из головы вылетело?

– Имя... Нет, его я не забыл. Игорем меня зовут. А подробностей не помню.

– Бывает, – не стал вдаваться в подробности собеседник. – Со мной ещё хуже история приключилась. Я как-то раз медовухи перепил, неделю потом очухивался и вспоминал, как меня зовут. Потом прошло, память вернулась. И с тобой то же будет, не переживай, паря. Если что, покуда у меня поживёшь.

– Оно, конечно, спасибо тебе большое, Степаныч, только мне расплачиваться нечем, – признался я.

– А ты уже почитай со мной расплатился, – заявил он. – Я когда тебя подобрал, увидел, что с тобой рядышком меч дампа лежит. Их оружие ни с чьим другим не перепутаешь. А потом и самих дампов углядел, всю семёрку... Ты их положил?

– Не один. Помогли мне, – не стал темнить я.

– Не важно. Ты хорошее дело для меня и всего общества сделал – ублюдков дамповских покрошил, и я должен в ответ что-то полезное сотворить. Добро добром возвращается, – с видом философа изрёк он.

– Не всегда, Степаныч, – сказал я, вспомнив предательство жены и странный поступок Данары.

– Это уж на кого нарвёшься, – согласился он. – Но мы, в Царицыно, добро помним. Не сомневайся.

– А жена что твоя скажет, когда ты с гостем незванным в дом завалишься?

– Нет у меня хозяйки. Три года уже как преставилась.

– Извини, Степаныч.

– Брось извиняться! Ты ж не знал!

Какое-то время мы ехали в тишине, если не считать скрипа колёс и странных звуков, издаваемых Забиякой. Он постоянно клацал зубами, охотясь на докучливую мошкарку и не то ржал, не то фыркал, однако вполне покладисто волок телегу и, похоже, знал, куда везти. Степанычу не приходилось править.

Путешествие превращалось в идиллию. Свежий воздух, природа, конский «экипаж»... Ещё б на пикничок заскочить на обочину, и вообще лафа.

Вот только хорошее имеет обыкновение быстро заканчиваться. Небо над нами стремительно потемнело. Я сначала решил, что набежала тучка, прикинул, что от дождя можно спрятаться под рогожей. С виду она вполне непромокаемая.

Вот только Степаныч, стоило ему что-то разглядеть в небесах, встревожился не на шутку.

– Не успели, – сквозь зубы выругался он и полез рукой под рогожу.

– Ты чего? – спросил я, не понимая, что его так напугало.

– А ты что – не видишь?! Рукокрылы летят. Целая стая.

Тут его рука вынырнула на белый свет с промасленной тряпицей. Степаныч развернул её, удивив меня ещё сильнее: под тряпкой прятался до боли родной «Калашников» – АКМ.

– Пользоваться умеешь? – с надеждой спросил возница.

– Не сомневайся, – ухмыльнулся я.

– Тогда лупи по рукокрылам, не позволяй им пикировать над нами. И ещё – береги патроны. У меня только один магазин.

– А ты?

– А я куда одну занятную штуковину соберу. Ты такой точно не видел, – усмехнулся Степаныч.

Я посмотрел вверх. То, что сначала принял за тучку, на моих глазах превращалось в стаю существ, напоминающих летучих мышей. Вот только размер у тварей был впечатляющий. Не удивлюсь, если отдельные особи способны унести в когтях человека. А если учесть, что таких созданий много...

– Надевай!

– Что? – дёрнулся я, отвлекаясь от мыслей.

– Кольчугу и шлем надевай! – потребовал Степаныч.

А вместилище у него телега оказалась. Чего там только не нашлось, даже радость реконструкторов: кольчуга и шлем, наподобие тех, какие носили в Древней Руси, только не скажу в каком веке. Тут я точно не спец.

Мне уже приходилось облачаться в доспехи, это было в Пскове, куда нас с женой занесло во время отпуска. В тамошнем кремле была открыта выставка средневекового вооружения и доспехов. Добродушная смотрительница позволила нам померить латы и сделать несколько снимков.

– Степаныч, как же ты? – Я обнаружил, что комплект один.

– Тебе сейчас нужнее. Если не отобьёшься от рукокрылов, мне впору в домовину укладываться, – пояснил он.

Я облачился быстрее чем за сорок пять секунд. Тяжеловато, конечно, и движения сковывает: это какой же выносливостью надо обладать, чтобы таскать на себе кучу килограммов и при этом ещё и мечом размахивать.

– Автомат хватай! Рукокрылы близко! – напомнил об угрозе Степаныч.

Может, их отпугнут выстрелы? Я перевёл АКМ в режим стрельбы одиночными, нажал на спусковой крючок... Трах! Не ожидал от себя такой меткости. Одна из тварей (правда, не та, в которую целился, а соседняя) закувыркалась и врезалась в землю. Её товарки пронеслись над нами в бреющем полёте. Я даже ощутил воздушную волну, которой нас обдали их крылья.

Трах! Трах! АКМ кашлянул ещё два раза. Пули ушли в молоко. Как же так! Расстояние плёвое – промазать невозможно! А что ещё обиднее – выяснилось, что летучим монстрам абсолютно наплевать на грохот выстрелов. Ноль внимания, фунт презрения.

– Ты когда в рукокрыла палишь, старайся ни о чём не думать. Они мысли чувствуют, – крикнул Степаныч.

Замечательно! Оказывается, приходится иметь дело с телепатами. Ну, на вашу методику и у нас что-то найдётся. Тем более, твари летят кучно, совсем необязательно специально выцеливать. В кого-то да попаду!

Стая зашла на новый круг. Я бросил взор на Степаныча. Тот занимался странным устройством, смахивающим на армейскую радиостанцию ещё «тёплых ламповых времён».

Поймав взгляд, Степаныч вскинул голову и умоляюще произнёс:

– Ещё две минутки и всё будет готово. Не давай им атаковать. Слышишь, паря?!

– Слышу-слышу! Давай быстрее собирай свою хрень.

Твари шли красиво. Выстроились словно самолёты для парада. Впереди летела здоровенная особь, которую я избрал главной мишенью. Вдруг, это вожак, и, потеряв его, рукокрылы (наконец-то я узнал, что это такое, хоть и не горел сильным желанием встретиться) передумают атаковать?

Он летел прямо на меня, выпустив громадные когти, настоящие кинжалы. Такими можно с дерева стружку снимать как рубанком.

Ближе, родной, ещё ближе. Я подпустил его на дистанцию, с которой гарантировано не промахнуться. Трах! Гигант бахается рядом с Забиякой. Вижу, что не убит, а лишь ранен, и в тот момент коняга приходит на помощь. Его челюсти смыкаются на шее рукокрыла, напоминая сценку из какого-нибудь «Юрского периода». Хрусть. Отделённая от шеи башка летучей твари оказывается в ближнем кустарнике. Забияка довольно ржёт. Его морда перепачкана кровью, но мне сейчас хочется обнять зверюгу и накормить сахаром (если б он у меня ещё был!).

Всё же я неплохо просчитал психологию рукокрылов, завалив вожака. Без него им на какое-то время стало не до нас. В воздухе произошло несколько коротких стычек. Решался извечный вопрос, кто главный альфа-самец? Ну, или самка, если у них матриархат.

И эти секунды оказались для нас спасительными, ибо Степаныч собрал-таки свой чудо-агрегат.

Разборки закончились, новый вожак повёл рукокрылов на нас. В этот миг Степаныч повернул маленькое колёсико на приборной панели «радиостанции».

Что тут началось!

Казалось, рукокрылы обезумели. Строй рассыпался, твари стали сшибаться друг с другом. То там, то здесь на землю валились всё новые и новые жертвы «вундервафли». Упав, они не переставали вести себя как умалишённые: долбили башками об камни, вцеплялись зубами и рвали тех рукокрылов, которым не посчастливилось оказаться по соседству, впивались когтями, кусались, испещряли тела страшными бугристыми царапинами.

Степаныч с гордостью наблюдал за творением рук своих. С его лица не сходила довольная ухмылка. Должно быть так Леонардо да Винчи смотрел на «Джоконду», видя в ней отражение самого себя и своей же вошедшей в легенду улыбки.

Когда всё закончилось: часть стаи исчезла вдали, а остальные рукокрылы добились друг дружку, Степаныч крутанул «колёсико» чудо-агрегата в обратную сторону, и, сплюнув, добавил сакральное:

– Против науки не попрёшь!

Глава 7

Бой закончился, и Степаныч погнал меня собирать туши подбитых рукокрылов. В здешнем натуральном хозяйстве в ход шли любые ресурсы. К тому же из рукокрылов местными фармацевтами готовились ценные лекарства. Так что места для нас на телеге не хватило, пришлось идти пешком.

А Забияка спокойно поволок перегруженную повозку, будто весила она не больше пёрышка. Я с уважением поглядел на его мускулистое туловище.

Степаныч был столь любезен, что позволил мне посмотреть и потрогать спасшую наши жизни штуковины. И хоть я не разобрался в её устройстве (меня в армии другим вещам обучали), принцип работы уяснил быстро: рукокрылы – отдалённые потомки летучих мышей, а у тех была развита эхолокация, которая частично передалась монстрам-потомкам. Аппарат излучал электромагнитные волны на частоте, сводившей рукокрылов с ума. Дёшево и сердито.

Правда, смущали две вещи: до этого момента все встреченные на пути не имели огнестрельного оружия и, тем более, электронных гаджетов. Ни сотовых, ни планшетов, ни банальных механических часов... Степаныч на фоне встреченных нео (так, как выяснилось из нашего разговора, звали «обезьян») и дампов, выглядел весьма продвинутым. Даже слишком продвинутым.

Возница не стал скрывать, что аппарат ему достался от маркитантов (тут мне не пришлось сильно напрягать мозги, чтобы догадаться о сфере деятельности этих самых маркитантов), стоил баснословно дорого, однако Степаныч мог его себе позволить, поскольку оказался весьма ценным специалистом – мастером Полей.

Что это значит, я не успел узнать, поскольку обо всём этом он поведал, когда мы оказались на въезде в Царицыно. Человеческое поселение располагалось на территории знаменитого музея. Мне доводилось бывать там прежде, ещё школьником на экскурсии.

С той поры утекло много воды, и многое изменилось. Вместо металлического ограждения выросла капитальная стена из бетонных блоков, возведённая ещё во время войны, которую Степаныч называл Последней. Имелся и широкий ров, и большое количество сторожевых башен, часть из которых явно новоделы – из не успевшего толком высохнуть дерева.

Часовые на башнях бдели. Это наводило на мысли, что дело не только в правильной организации караульно-постовой службы, но и в нешуточной угрозе, нависшей над поселением.

Перед подъёмным мостом находилась караульная будка. Дорогу преграждала рогатка. Сразу за ней топталась троица мужиков самого продувного вида. При взгляде на их прохиндейские рожи стало ясно – местная таможня, мытаря, способные вынуть душу из любого. При этом соблюдалось ещё некое подобие единообразной формы одежды: на мужичках были зелёные шапки пирожком, долгополые кафтаны с зелёными клапанами, из-под кафтанов виднелись тупые носки не то сапог, не то башмаков.

И вооружены одинаково: сабля в ножнах, за пояс заткнут архаичный кремниевый пистолет (ага, есть и такой тип огнестрельного оружия), в руках бердыш.

Увидев нас, таможенники разом посуровели.

– Здорово, мужики! – поздоровался Степаныч.

– И тебе не кашлять, – отозвался за всех плотный таможенник с красным обветренным лицом и длинными обвисшими усами. – Где столько рукокрылов настрелял?

– Да в паре вёрст отсюда, – ответил Степаныч. – Насилу отбились.

– А кто это с тобой? – Взгляд усатого устремился на меня, проникая будто рентген.

Я улыбнулся, демонстрируя дружелюбные намерения. Причин конфликтовать с властями у меня не имелось.

– Это мой ученик. Игорем кличут, – пояснил Степаныч.

Ученик? Для меня это стало сюрпризом. Интересно, чему учить-то будет? Собирается передать неведомую специализацию мастера каких-то Полей?

Таможенники потеряли ко мне всякий интерес. Очевидно, Степаныч пользовался здесь авторитетом, никто не подумал пускаться в подробности. А может здесь так и принято. В суровом мире не до лишних слов.

Рогатку убрали, освобождая путь. Забияка поплёр телегу дальше.

Поселение началось сразу за стеной: привычного вида деревенские избушки соседствовали с каменными домами-крепостями и землянками, от которых наружу торчали только скаты крыш. Улочки узкие (понятное дело, дефицит пространства – каждый квадратный метр на учёте), две телеги с трудом разъедутся, замощены деревянными плашками или досками. И за чистотой следят.

Стоило только нашему фенакодусу прямо на ходу опорожнить кишечник, как сразу прилетели пацаны дошкольного возраста и мигом растащили все «яблоки». Хотя, тут ещё и другой фактор надо учесть – всё же навоз – лучшее натуральное удобрение испокон веков. Тут он явно подороже золота ценится.

Знаменитый Большой дворец сохранился, однако не обошлось без изменений. Красно-белые стены порядком закоптились, во многих местах зияли на скорую руку заделанные провалы, а часть корпусов вообще была разобрана. Шпили на башнях отсутствовали, большинство окон заложено. Былую красоту дворец потерял и смотрелся уже не нарядной игрушкой, а суровым фортификационным сооружением.

Из-за экономии пространства часть царицынских прудов закопали, но один, самый крупный, всё же оставили – людям нужны источники воды.

Павильоны разобрали, на месте беседки с античной богиней стояли амбары, некогда красивые парки, предназначенные для романтических прогулок, исчезли. Людям Царицыно не до променадов. Всё подчинялось одной цели: максимально укрепиться и выжить.

Забияка остановился у почерневшей от времени избы. Ни забора, ни палисада, ни хозяйственных построек, кроме двора – по-спартански скупо.

– Вот мы и дома, – сказал Степаныч.

Замка на дверях не было. Судя по всему, воровать тут не принято.

– Ты в дом заходи, не стесняйся, а я покуда рукокрылов на Торжок свезу. Мне с ними возиться не с руки.

– А с тобой можно?

Степаныч пожал плечами:

– Да как хошь... Можно и со мной.

Торжком называлась небольшая площадь неподалёку от дворца. В центре лавки с навесами в несколько рядов, в дальнем конце заведение с вывеской, на которой коротко и просто написано «Кабак». Понятно, где расслабляются купцы в конце торгового дня.

Большинство лавок пустовало, да и покупателей было – кот наплакал. Но появление Степаныча не осталось незамеченным. К нему сразу подскочил вертлявый тип с мелкими бегающими глазками и, вцепившись за рукав, куда-то потащил.

Степаныч повернулся ко мне:

– Ты пока тут побудь. Я скоро.

«Скоро» затянулось на полчаса. За это время уже успел обхватить взглядом все местные достопримечательности и сделать ряд выводов. Самый главный – Царицыно показалось достаточно уютным, обладающим определённым шармом поселением.

Да, людям приходилось несладко, но они не падали духом, трудились и сражались. Даже малолетняя детвора вовлекалась в заботы по хозяйству. Интересно, а как тут с обучением, есть ли школы?

Появился Степаныч.

– Договорился, – радостно улыбнулся он. – Сейчас всех рукокрылов оптом скину. Оно, конечно, дешевле получается, зато быстро.

Мы завезли груз на двор у солидного каменного строения. При виде его стало ясно, на что пошли стройматериалы от разобранных беседок и павильонов.

Тут вовсю суетился вертлявый, раздавая ценные указания двум молчаливым угрюмым работникам. Они быстро разгрузили телегу и исчезли.

Вертлявый протянул Степанычу холщовый мешочек, в котором что-то позвякивало. Понятно. Значит, не единым натуральным обменом живут. Кроме бартера есть и товарно-денежные отношения, что является серьёзным плюсом для этого мира. А коли есть деньги, тогда может и банки существуют, что серьёзно развязывает руки человеку предприимчивому.

– Пересчитывать будешь? – спросил вертлявый.

– Я тебе верю, – сказал Степаныч, пряча мешочек за пазухой.

Очевидно, подобные операции они проворачивали неоднократно. Чуть ли не деловые партнёры. Я мысленно взял вертлявого на заметку. Как ни крути, надо постепенно легализоваться в этом мире, налаживать определённые связи, нарабатывать репутацию и иметь хоть что-то за пазухой. Чего хорошего сидеть на шее у других людей? Точно не в моём характере.

Обстоятельно поговорили уже вечером, за трапезой. Беседа велась при слабом свете лучины. Про электричество здесь уже подзабыли, никаких генераторов в Царицыно не имелось, а коли и были б – так горючка по понятным причинам в большом дефиците. У Степаныча в хозяйстве имелись керосинки, но опять же – использовать их по назначению, всё равно, что пускать деньги на ветер.

Ужин тоже выглядел скромно: чугунок с картошкой в мундирах, соль вперемешку с золой, хлеб наполовину из отрубей, а может и опилок, а так же два куска вяленого мяса. Я спросил, не из рукокрылов ли, на что Степаныч, поморщившись, ответил, что есть этих тварей можно, но только если уж совсем припрёт. Если я правильно понял, то риск примерно такой же, как с приснопамятной японской рыбой фугу: что-то сделаешь не так, и при везении отделаешься только поносом. Если организм совсем слаб, можно отбросить коньки.

– Комбинатовское мясо, – дополнил чуть позже Степаныч свой ответ. – Ты ешь, не переживай. Это свинина. С рукокрылом не сравнить.

– А что за Комбинат? – заинтересовался я.

– Да он у нас на всю округу один такой. Хрюшек растят, а излишки продают.

– И много излишков?

– Хватает, – изрёк Степаныч. – Они со многими торгуют, даже с мутами.

– Муты – это мутанты? – уточнил я.

– Они самые. Их под Царицыно навалом и все, заметь, жрать хотят. Большинство и человечинкой не побрезгают.

– Так чего ж сними торговать? Извести под корень и всех делов!

– Экий ты скорый! – Наивность моего вопроса Степаныч списал на всю ту же амнезию. – Ты с того начни, что ежли начнёшь мутов вырезать, так ещё неизвестно кто кого в итоге на тот свет спровадит. Они не хуже стрелцов наших дерутся. Вот если б кто из дружины кремлёвской за то взялся – иной разговор, – вздохнул он. – Тогда мы б мутам спуску не дали.

– Так, погоди, Степаныч, – попросил я. – Что за дружина?

– Я ж сказал – кремлёвская! – раздосадовано произнёс он. – Князя московского дружина. А дружинники в ней как на подбор. Высоченные, по два метра ростом. И сила у них богатырская – подковы мизинцами гнут, нео и дампов тряпками мокрыми гоняют.

Степаныч превратился в эдакого Баяна, древнерусского сказителя. Кажется, мне предстояло услышать все местные былины.

– Эх, кабы смогли дружинники прорваться сквозь вечное кольцо врагов да нам помочь!

Понятно, что про чудо-богатырей Степаныч привирал. Не верю я в эти сказки! Откуда бы взяться ильям муромцам и добрыням никитичам, да ещё в количестве, достаточном для комплектования целой дружины (то есть несколько десятков, а то и сотен профессиональных воjak)?

Два-три богатыря найдутся, не сомневаюсь. Природа допускает подобные отклонения. А остальные, небось, такие же чахлики, как и большинство из тех, кто попадался на пути. В среднем чуть больше метра шестидесяти – метра семидесяти ростом, отнюдь не широкоплечие и могутные.

Всё логично и вписывается в стройную картину: ядерная война, народ десятки лет сидит в бомбоубежищах, чахнет без свежего воздуха и солнца, кормёжка скудная и отвратительная, ещё и целая куча демографических проблем. Когда появилась поверхность выбраться наружу, скорее всего, это были бледные дистрофические создания, шатающиеся на ветру.

А тут, в небольшом локальном месте, – Кремле, нарисовалось целое воинское подразделение из одних богатырей. Что, потомки бывшего кремлёвского полка, несмотря на кошмар постапокалиптического мира, превратились в эдаких суперменов? Поверю только при одном условии: кто-то поигрался с генами, выведя спецпороду людей.

– Значит, говоришь, что Кремль в осаде?

– Да почитай из неё не вылезает. Вся нечисть туда рвётся, будто им мёдом намазано, – сокрушённо вздохнул Степаныч. – От того и нет порядка на Руси... Нельзя нам без князя, никак нельзя!

– А ваш воевода? Он что – совсем никудышный? – удивился я.

– Почему никудышный? Только его власть далее Царицыно не распространяется. Это у нас он воевода, а в любом другом месте – никто. Его там и слушать не будут. Свои начальники имеются, – с горечью сказал Степаныч.

Чувствовалось, что у мужика наболело.

Без централизованной власти, да ещё в окружении врагов, простому люду сложно. Местные царьки в свой огород посторонних пускать не собираются, живут по известному принципу «Лучше быть первым в Галлии, чем вторым в Риме». Так ещё в Древнем Риме Гай Юлий Цезарь считал. Степаныч говорит: здешние правители под этим подпишутся.

Для объединения требуются две вещи. То есть их на самом деле больше, но две – самые основные: волевой руководитель, способный открутить башку любому, кто на его власть покушается; а ещё этому руководителю нужен статус, делающий его минимум на одну ступеньку выше остальных боссов, дабы те не видели унижения в том, что кому-то подчиняются. Вроде как не запаadlo, другими словами.

В России власть традиционно располагалась в Кремле, вполне естественно, что люди вроде Степаныча с надеждой смотрят на кремлёвские стены и ждут оттуда перемен к лучшему.

– Ещё говорят, что есть в Кремле дружинник по имени Данила⁶. Настолько толковый, что сумел в бояре выбиться, а уж слухами о его подвигах вся Москва полнится. Вот бы ему нашим воеводой стать, – мечтательно зажмурился Степаныч.

– Так что мешает отправить посольство в Москву да призвать оттуда Данилу?

– Думаешь, туда легко попасть? – насупился он. – Отрезан Кремль от нас, а мы от него.

– Ладно, с этим мы разобрались, – сказал я. – Давай другой вопрос провентилируем. Скажи, Степаныч, а жизнь за МКАДом есть?

Забавно, что шутка из моего времени тут была как никогда актуальна, потому что в своих рассказах Степаныч не затрагивал ничего, кроме Москвы, будто и не осталось ничего больше.

– Есть-то она есть. Только ни мне, ни тебе за МКАД не пробраться.

– Почему? Мутанты сожрут? – предположил я.

⁶ Данила – герой цикла романов Дмитрия Силлова, посвящённых миру «Кремль 2222».

– Барьер там поставлен невидимый. Никто с другой стороны к нам не прорвётся. Мы теперь вроде как под куполом живём, – туманно пояснил Степаныч.

Что-то вроде силового поля? Я такой технологии не припоминаю, может, в будущем придумали.

– И что, совсем-совсем не преодолеть?

– Есть такие, что могут через барьер пройти. Только для этого нужны особенные знания иметь.

– Ты, выходит, их не имеешь?

– Не имею, и, слава богу, – спокойно сказал Степаныч.

А вот это зря! Если вдруг станет жарко и понадобится уносить ноги – подобные знания, ой как пригодятся. Если это, конечно, не местный фольклор!

Степаныч счёл, что с нас на сегодня хватит и предложил отправляться на боковую. Он лёг на печку (греть старые кости на полатах), я растянулся на лавке, достаточно широкой, чтобы не мучиться всю ночь.

Глава 8

Обычно я сплю чутко. Привычка, вбитая в подкорку ещё в армии. Однако, когда проснулся, Степаныча уже в избе не было, и я не почувствовал, как он уходит. Ай-яй-яй! Непорядок! Такими темпами совсем форму потеряю. Немного поворчав на самого себя, занялся другими, не менее приоритетными вещами.

Первым делом убедился, что со мной ничего не произошло, и тело не принялось стареть стахановскими темпами. В избе нашлось маленькое круглое зеркало. Я с ним подошёл к свету и принялся оглядывать свою физиономию с разных ракурсов.

Видимых изменений не наблюдалось, чувствовал я себя идеально, прежняя лёгкость никуда не делась. Хорошо! Просто замечательно!

Навестив удобства и вдоволь поплескавшись холодной водицей из рукомойника, снова ощутил зверский голод. Степаныч на мне разорится!

Хозяин не заставил себя долго ждать, будто чувствовал обращённые к нему мысли. Появился на пороге с вязанкой дров, с грохотом скинул их у печки.

– Сейчас поснедаем, а потом буду тебя к делу пристраивать, – менторским тоном изрёк он.

Мне стало интересно, каким образом я стану отрабатывать хозяйские хлеб да соль. Кое-какие соображения уже были, но требовалось получить официальное подтверждение.

– К какому?

– А то не слышал, как я с мытарями говорил? – удивлённо захлопал глазами Степаныч.

– Про ученичество?

– Оно самое. Мне на погост скоро. Если сейчас ученика не возьму, потом поздно будет.

– Брось, Степаныч! Какой погост! Рано тебе! Ты ж у нас ещё ого-го! Хозяйку себе найдёшь, не всё ж в бобылях ходить...

– Мне другой не надо, – сказал, как отрезал, Степаныч. – А касательно погоста – я ж на него не стремлюсь. Просто жизнь штука такая: пролетит – не заметишь. Никогда не знаешь, что тебя впереди ждёт. Так что – пойдёшь в ученики, милчеловек?

– Пойду. Только побрежусь. Не люблю новую жизнь небритым начинать.

Учёба, как и обещал Степаныч, началась после завтрака. Он запряг Забияку.

– Далеко поедет?

– Часа через полтора будем на месте, – успокоил Степаныч.

– А «калаш» с собой взял?

– Без него за пределы посёлка ни ногой. Тут нас стрельцы охраняют, а за стеной только на себя надежда.

– Мне автомат не подгонишь? – хитро прищурился я.

Степаныч усмехнулся:

– По результатам будет видно. Может, и поработаешь на автомат.

На выезде попалась конструкция, смахивающая на повозку переселенцев Дикого Запада: здоровенный фургон с круглой крышей, крытой выбеленным полотном. Повозка тянула на дом на колёсах, наша телега супротив неё выглядела мелким недоразумением. По бокам тентованной крыши фургона трафаретом была нанесена красная буква «К».

– Комбинатовские, – уловил невысказанный вопрос Степаныч. – Мясо на Торжок привезли.

Повозку тянула пара фенакодусов. Они равнодушно пережёвывали жвачку.

Управлял фургоном крепыш в униформе, которую раньше носили охранники в торговых центрах: чёрная куртка с шевроном виде всё той же буквой «К», кепи со слегка изломанным козырьком, чёрные брюки и берцы. Не хватало разве что синей рубашки с галстуком. Крепыш

напялил куртку поверх голого тела. Из ворота торчало столько волос, что глядя на него так и тянуло спросить, нет ли у этого товарища родственников среди нео.

Груз, очевидно, был ценным, крепыша сопровождала парочка других мордovorотов, их взоры угрюмо рыскали по сторонам. Понятно, что специфика работы такая, но мне их взгляды совсем не понравились. Такое ощущение, что парни просто ищут повода, чтоб всадить в кого-то пулю (у каждого на коленях лежал кремниевый короткоствол) или разрубить на равные половинки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.